ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 75 (3104) Четверг, 25 июня 1953 г. Цена 40 коп.

В СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

О выпуске Государственного займа развития народного хозяйства СССР (выпуск 1953 года)

В целях привлечения средств населения для финансирования мероприятий по осуществлению Пятого пятилетнего плана развития СССР Совет Министров Союза ССР **постановил:**

1. Выпустить Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1953 года) на сумму 15 млрд. рублей сроком на 20 лет.

2. Облигации займа и выигрыши по ним освободить от обложения государственными и местными налогами и сборами.

3. Утвердить представленные Министерством финансов СССР условия выпуска Государственного займа развития народного хозяйства СССР (выпуск 1953 года).

КОГДА ОТЗВУЧАЛИ ПОЗЫВНЫЕ...

Позавчера бригадир сборочного цеха московского завода «Газоаппарат» Сергей Кирдейко, ознакомившись с опубликованной в газетах таблицей выигрышей Государственного займа развития народного хозяйства СССР выпуска 1952 года, обнаружил приятную для себя вещь: на одну из его облигаций пал выигрыш в пятьсот рублей.

— Ну, бригадир, хорошая примета — в первом тираже выиграть! Что теперь себе купишь? — весело спрашивали у него товарищи.— Пылесос? Или, может, на телевизор деньги отложишь? Холодильник-то у тебя уже есть.

В самом деле, не так-то плохо купить на выигранные деньги какую-нибудь хорошую вещь.

Вспоминая о выигрыше Кирдейко, вчера, в начале подписки на новый заем, один молодой парень в голубой майке сказал, улыбаясь (видно было, что у него, как и у всех, хорошее настроение):

— Можно по займу и побольше выиграть...

И никто не спросил его, что он имеет в виду. Всем было ясно, что речь шла не просто о выигрыше по облигации, а о значительно большем: о двух новых жилых домах для рабочих, которые ныне строятся (в конце года будут справляться новоселья); о пионерском лагере — гордости завода (через неделю на его территории вступит в строй новое здание дачного типа для ребят); о судьбах людей, товарищей по коллективу — бывшего технолога, а ныне заместителя начальника механического цеха О. Смирновой, месяц назад закончившей вечерний машиностроительный институт, бывшего контрольного мастера, ныне заместителя начальника цеха газовых счетчиков Е. Котовой, также получившей диплом инженера без отрыва от производства, начальника сборочного цеха М. Тарасова, которому вскоре предстоит получить такой же точно диплом; словом, речь шла о растущем достатке, растущей культуре советских людей, о хорошей их жизни, которая нынче стала лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня.

Об этом, собственно, рабочие «Газоаппарата», как, впрочем, и других московских предприятий, говорили после того, как отзвучали в репродукторах позывные столичных радиостанций и звучный голос диктора прочел сообщение о выпуске нового займа. И именно потому, что всем было предельно ясно, во что претворятся эти пятнадцать миллиардов рублей, люди с охотой проставляли в подписных листах суммы, которые они одалживали государству,— то есть, в конечном счете, самим себе, своим друзьям, товарищам, своим детям.

Директор завода А. Хабаров высказал весьма интересную мысль. Он сказал, что о росте благосостояния советских людей можно, не отвлекаясь в сторону, судить хотя бы по росту продукции, выпускаемой заводом «Газоаппарат».

До войны завод был занят главным образом производством вентиляторов. Что же касается газовых плит, то их выпускалось не более шести-семи тысяч штук в год.

Сегодня завод выпускает за год до восьмидесяти тысяч газовых плит — и, как говорят на заводе, «бытовых», то есть квартирных, и предназначенных для столовых, ресторанов, больниц и т. п. По примерным подсчетам, за послевоенные годы таких плит было изготовлено полмиллиона штук. И еще одна интересная деталь: до позапрошлого года завод работал исключительно на Москву. Нынче его продукция идет в Сталинград, Киев, Куйбышев, Саратов, Уфу, Тулу и многие другие города страны.

Конечно, и раньше, в случае нужды, завод мог бы выпускать больше семи тысяч газовых плит и отсылать их в разные города. Но в том-то и дело, что нужды этой тогда не было. Она явилась в послевоенные годы, когда началась массовая газификация наших городов, когда все больше и больше домохозяек в этих городах принялись сдавать сборщикам металлолома примусы и керосинки: теперь они не требовались, теперь в квартире был газ.

Сегодня к газовым плитам на кухне, к газовым колонкам в ванных многие так привыкли, что это уже кажется обыденным; но как это обыденное облегчило быт миллионов людей, сколько времени сэкономило им для отдыха, для учебы, для книг, театров, спорта. И, в самом деле, какие далеко идущие, показательные выводы можно сделать из одного только факта: роста продукции завода «Газоаппарат».

Надо, впрочем, сказать, что название завода кажется теперь устаревшим или, во всяком случае, слишком узким. Три года назад завод освоил новый вид продукции — бескомпрессорные холодильники, то есть работающие от обыкновенной электрической сети: включил вилку в штепсель—и холод готов. И на эту продукцию спрос растет столь же стремительно, и разве не говорит этот спрос, в свою очередь, о растущем достатке советских людей? Вот цифры: в 1950 году завод выпустил тысячу холодильников, в 1951 — пять тысяч, в 1952 — тринадцать, а в нынешнем выпустит восемнадцать тысяч.

Расширяется и география применения заводской продукции. В 1953 году холодильники с маркой «Газоаппарат» были отгружены и на жаркий юг, где они, пожалуй, нужнее всего,—в Баку, Тбилиси, Ташкент, Ереван, Ростов; и на Украину — в Киев, Одессу, Харьков, Днепропетровск; и на восток — в Омск, Челябинск, Новосибирск.

...Вчера к пяти часам вечера директор завода А. Хабаров подсчитал, что дневное задание заводским коллективом выполнено на 110 процентов. Со склада грузили на машины новенькие газовые плиты, им предстояло совершить путь к берегам Балтийского моря, в Калининград. Во дворе, у проходной, обменивались приветствиями сменяемые и сменщики. Иные из сменщиков, не слышавшие радиосообщения о выпуске нового займа и узнавшие о нем только здесь, торопливо здоровались, спрашивали на ходу: «А где?» и спешили дальше — поставить свою фамилию на подписном листе. Снова повстречался тот парень в голубой майке, который говорил, что можно по займу и побольше выиграть. Он шел к выходу с товарищем. Может, путь их лежал на водную станцию или на стадион, а может, — в вечерний институт...

Б. ИЛЬИН

На благо народа, на благо Отчизны

Сегодня публикуется постановление Совета Министров СССР о выпуске Государственного займа развития народного хозяйства СССР (1953 года). Новый заем — крупный вклад в дело мирного строительства в нашей стране, в дело укрепления могущества нашей великой Родины. Привлекая средства населения в целях успешного осуществления пятого пятилетнего плана развития СССР, новый заем будет способствовать дальнейшему росту материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Уже первые вести с предприятий, из колхозов и учреждений наглядно демонстрируют то всеобщее единодушное удовлетворение, с которым встретили советские люди постановление своего родного Правительства.

Участвовать личными сбережениями и доходами в гигантской работе нашего государства, направленной на максимальное удовлетворение непрерывно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, стало благородной традицией советского народа. В годы довоенных пятилеток наш народ дал взаймы государству около 50 миллиардов рублей, и мы помним, на что пошли эти средства: на создание передовой социалистической индустрии, на подъем сельского хозяйства, на то, чтобы каждой семье, каждому советскому человеку жить становилось все лучше и веселее. Пошли эти деньги и на укрепление обороноспособности нашей Родины: вклад миллионов советских тружеников не пропал даром — он помог стране подготовиться к отпору врагу.

В дни Великой Отечественной войны — тяжелейшей из войн, которые когда-либо выпадали на долю нашего народа, советские патриоты сумели выделить из своих личных сбережений еще 76 миллиардов рублей взаймы государству. Не только оружием и трудом, но и личными средствами вносил каждый из советских людей свою лепту в разгром врага.

В первую послевоенную пятилетку восстановления и развития народного хозяйства сумма доходов государственного бюджета от займов составила 130 миллиардов рублей. Эти средства помогли стране в невиданно короткие сроки залечить тяжелые раны войны и вновь, еще более высокими темпами, двинуться по пути мирного созидания, по пути строительства коммунистического общества.

Конечно, подавляющая часть затрат на это строительство обеспечивается из доходов социалистического хозяйства. Средства населения, привлекаемые в бюджет по государственным займам, служат лишь одним из дополнительных источников финансирования. Более 80 процентов доходной части государственного бюджета СССР составляют поступления от социалистических предприятий и организаций. Непрерывно растущие доходы всего народного хозяйства позволили в этом году установить сумму нового займа в размере 15 миллиардов рублей, то есть вдвое меньше, чем в 1952 году.

Советские люди глубоко доверяют своему Правительству, во всем следуют мудрой политике Коммунистической партии. И каждый из нас хорошо знает, что его трудовой рубль, отданный взаймы государству, будет использован на благо народа.

Известно, что промышленное производство за тридцать пять лет советской власти выросло по своему объему в 39 раз и продолжает развиваться высокими темпами. За нынешнее пятилетие уровень промышленного производства должен подняться примерно на 70 процентов. Это требует, естественно, немалых капиталовложений. Пусть пойдут на это и наши личные средства, отданные взаймы государству!

Рост тяжелой индустрии обеспечивает подъем сельского хозяйства и легкой промышленности. В 1952 году наши люди получили предметов широкого потребления больше, чем за все, вместе взятые, годы первой пятилетки. К концу нынешней пятилетки продукция легкой и пищевой промышленности увеличится не менее чем на 70 процентов. За последнее время Правительством приняты специальные меры по значительному увеличению производства и продажи промышленных и продовольственных товаров для населения сверх первоначально утвержденного плана. Отраслям промышленности, выпускающим предметы массового потребления, — прежде всего, легкой и пищевой, местной и кооперативной промышленности,—установлены дополнительные задания по увеличению производства товаров более разнообразного ассортимента и лучшего качества. Сооружаются и вступают в строй десятки текстильных комбинатов, обувных предприятий, хлебозаводов, мясо-молочных комбинатов. Пусть и на это идут наши личные средства, вложенные в облигации займа!

Советские люди глубоко заинтересованы в быстрейшем росте производства стали, чугуна, нефти, угля, машин, электроэнергии. Они кровно заинтересованы в развитии нашей индустрии потому, что основной целью социалистического производства является человек с его потребностями. А коли так, то дополнительно произведенный слиток стали, дополнительно добытая тонна угля обернутся завтра для советских людей новой школой, новым санаторием, новым жилищем, новым клубом, новым снижением цен. Проведенное в апреле шестое за послевоенные годы снижение цен принесло населению выигрыш в три с половиной раза больший, чем сумма нынешнего займа. Последовательная политика снижения цен сделала реальные доходы трудящихся сегодня значительно выше довоенных, а к 1955 году реальный заработок рабочих и служащих (по расчету на одного работающего) будет в два с четвертью раза, а реальные доходы крестьян — почти в два с половиной раза выше уровня 1940 года. И это в то время, как в США по сравнению с той же довоенной порой реальная стоимость жизни возросла почти в три раза, а реальная заработная плата рабочих Франции и Италии не составляет и половины довоенной.

О неуклонном подъеме материального благосостояния советских людей свидетельствует рост товарооборота. Только за послевоенные годы товарооборот государственной и кооперативной торговли увеличился почти втрое и значительно превзошел довоенный уровень. Но дело не только в размерах торговли. В сегодняшнем номере «Литературной газеты» директор Сталинградского универмага тов. Моренков рассказывает о том, как изменился спрос, как возросли за последний год требования покупателей. В короткий срок удельный вес непродовольственных товаров стал в полтора раза выше, чем это было в первые годы после войны. Это значит, что «хлебом насущным» становятся для широких масс добротные шелковые и шерстяные ткани, хорошая обувь, радиоприемники, часы, велосипеды, фотоаппараты... И это не только в городе, но и в деревне, не только в центре, но и в окраинных, прежде отсталых районах, где, кстати сказать, товарооборот растет еще быстрее, чем в среднем по стране.

Наша легкая промышленность все более решительно переключается на прямое удовлетворение заказов и запросов покупателей. Уже в этом году две трети хлопчатобумажных и шерстяных тканей должны поступить в продажу по предварительным заказам с мест. Рост общего благосостояния и рост производства позволяют шире и полнее удовлетворять личные, индивидуальные потребности советских людей. Социализм, как указывали классики марксизма-ленинизма, означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно развитых трудящихся людей.

Средства, полученные от нового займа, будут использованы и на социально-культурные мероприятия. За нынешнее пятилетие примерно на 15 процентов вырастет число мест в санаториях, на 30 процентов — в домах отдыха, на 70 процентов увеличится строительство городских и сельских школ. Сейчас в стране 368 тысяч библиотек, за пятилетие их количество возрастет на 30 процентов, а число звуковых киноустановок станет втрое больше довоенного.

Небывалый размах приобрело жилищное строительство. В годы довоенных пятилеток жилой фонд СССР в городах и рабочих поселках увеличился на 86 миллионов квадратных метров. За семь послевоенных лет общая площадь жилых домов, построенных только в городах и рабочих поселках, превысила 155 миллионов квадратных метров. В деревне за это время выстроено более 3,8 миллиона новых домов. В нынешней пятилетке трудящиеся городов и рабочих поселков только за счет государственных ассигнований получат 105 миллионов квадратных метров новой жилой площади. На это строительство отпускается денег примерно вдвое больше, чем в предыдущей пятилетке. Значительно расширяется сеть больниц, поликлиник, заводских профилакториев и диспансеров.

На покрытие материальных и культурных потребностей советских граждан идет ежегодно три четверти национального дохода СССР, который уже в прошлом году был примерно вдвое выше довоенного и по меньшей мере в 12 раз выше национального дохода царской России.

Дополнительный доход получают трудящиеся и от выигрышей по облигациям государственных займов. Сумма выигрышей неуклонно растет: два года назад она составляла 5 миллиардов рублей, в прошлом году — уже около 7 миллиардов, а в нынешнем году составит почти 10 миллиардов рублей!

...Началась подписка на заем.

Подписываются металлурги Магнитогорска—и вспоминают о том, что за последние два года на правом берегу реки Урал воздвигнуто 110 многоэтажных жилых домов, пять больших школ, Дворец культуры строителей, магазины, детские сады, мастерские бытового обслуживания. В одном только прошлом году металлурги Магнитки получили 36 миллионов рублей вознаграждения за выслугу лет...

Подписываются на заем шахтеры Кузбасса, где в одном только нынешнем году намечено построить 350 тысяч квадратных метров новой жилой площади...

Подписываются москвичи — на их глазах вырастают двести огромных многоэтажных зданий; уже в текущем году жители столицы получат 800 тысяч квадратных метров красивого, уютного жилья...

Подписываются на новый заем и колхозники из трех братских республик — Белоруссии, Латвии и Литвы, закончившие недавно строительство межколхозной ГЭС «Дружба народов» на озере Дрисвяты; ГЭС уже готова дать свет и энергию одиннадцати окрестным селам. Что же, на то, чтобы побольше было таких красавиц, народ средств не пожалеет!

А в Узбекистане, в красной чайхане колхоза имени Пушкина Ташкентской области, собрались хлопководы. Слово держит мастер высоких урожаев звеньевой М. Шерматов: «Ради могущества нашей страны, ради крепости колхозного строя подписываемся мы сегодня на заем!».

Вот подписывается на заем старый львовский мастер. Что сулила ему жизнь еще пятнадцать-двадцать лет назад, в досоветском Львове?.. Он помнит, как по площади Рынок, мимо здания, где заседали градоправители, шли демонстрации безработных с плакатами: «Работы!», «Хлеба!». В те годы во Львове было 40 тысяч безработных, и не мог труженик быть спокойным за кусок хлеба и крышу над головой... А нынче во всех уголках города пестрят объявления: «Требуются токари, слесари, техники, строители, монтажники!» Сегодняшний Львов — это город большой индустрии, город нового рабочего класса, не знающего ужасов безработицы, это город тридцати тысяч стахановцев и новаторов производства.

Тепло и ярко светит солнце Родины над каждым нашим городом, селом, над каждым нашим домом. В эти часы подписки на заем каждый трудовой человек от души говорит:

— Расти и крепни, родное наше государство!

МИР КОРЕЕ!

ХАН СЕР Я, корейский писатель

С каким облегчением вздохнули во всем мире простые люди, когда узнали, что в Корее заключено соглашение о репатриации военнопленных! Казалось, что, наконец, благополучно обойдены все подводные камни на пути к перемирию, что недалек час, когда израненная земля моей родины не будет больше содрогаться от разрывов бомб, погаснут зарева пожаров над городами и селами, а почерневшие склоны гор опять оденутся в зелень лесов. Казалось, что близок час, когда корейская мать, прижимая к груди младенца, без страха в глазах посмотрит в чистое синее небо, и моя Корея приступит, наконец, к возрождению домашних очагов.

Так думали многие. Но не этого хотели те, кого не устраивает мирное небо над Кореей,—те, кто делает ставку на войну. И вот под покровом ночи, но на глазах у американцев, лисынмановские головорезы, по приказу своего обезумевшего главаря, с помощью танков, оружия и слезоточивых газов, силою «освобождают» в Масане, Пусане и других лагерях военнопленных почти 30 тысяч пленных бойцов корейской Народной армии. Тех самых пленных, которые по уже скрепленному подписями обеих сторон соглашению должны были быть переданы под опеку комиссии нейтральных стран. И вот сынов моей родины загоняют в учебные центры марионеточной лисынмановской армии в Кванчжу, чтобы заставить их потом поднять оружие против своих братьев из Северной Кореи.

Трудно подобрать слова, чтобы заклеймить эту наглую провокацию, возмутившую всех честных людей в мире. Кому не ясно, что за нею скрывается прямая попытка сорвать заключение перемирия в Корее?

Не секрет, что провокация Ли Сын Мана стала возможной благодаря покровительству и попустительству определенных кругов США.

Об этом сказал сам Ли Сын Ман. «Большинство представителей командования Объединенных Наций, с которыми я говорил о нашем желании освободить этих военнопленных, относится к этому сочувственно и в принципе с нами согласно»,— заявил он.

А один из приближенных Ли Сын Мана, как об этом сообщает из Сеула корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, признал что «освобождение нами военнопленных не являлось односторонним актом». Другой корреспондент этого агентства передавал из Пусана, что «освобожденных» военнопленных небольшими группами вели по улицам города, патрулируемым американскими военными полицейскими. Причем один из этих полицейских, просивший не называть его имени, заявил, что им было приказано не вмешиваться.

Тучи вновь затмили горизонт над Паньмыньчжоном. Но пусть не тешат себя враги мира — новая провокация не заронила в наши души чувства отчаяния. Известно, какую волну народного гнева поднял во всех странах подлый акт банды Ли Сын Мана. Вести, идущие со всего мира, говорят о сплоченности и организованности миролюбивых сил. Единство их действий служит залогом того, что скверная игра Ли Сын Мана и его покровителей обречена на крах.

В моем сердце крепнет эта уверенность, ибо я нахожусь еще под свежим впечатлением только что закончившейся в Будапеште четвертой сессии Всемирного Совета Мира. Эта сессия показала, что мировая прогрессивная общественность бдительно следит за происками врагов мира.

Трудно выразить то чувство большой любви и поддержки народов всех стран, которое окружало нас, делегатов сражающейся Кореи, на заседаниях Всемирного Совета Мира, при встречах с нашими бесчисленными друзьями. Голос посланцев мира донесся из Будапешта в глубокие пещеры и землянки Кореи, куда укрылись от вражеских бомб наши старики, женщины и дети. Этот голос вселил новую надежду в сердца наших отважных воинов в окопах у 38-й параллели, наших рабочих и крестьян.

Мы покидали гостеприимную столицу Венгрии с твердой верой в правое дело нашей родины, с верой в то, что мирное солнце скоро засияет над нашей многострадальной землей. Мы знаем — народы едины в своем стремлении сорвать черные замыслы заговорщиков против мира.

БУДАПЕШТ — МОСКВА.

Наставник молодых литераторов

К выходу XXVI тома собрания сочинений А. М. Горького

Подписан к печати 26-й том собрания сочинений А. М. Горького, включающий статьи, речи и приветствия 1931—1933 годов. Больше половины входящих в том произведений были опубликованы только в периодической печати лет двадцать и более назад. Многие из статей, вошедших в книгу, посвящены вопросам литературы. В некоторых из них А. М. Горький выступает, как учитель и наставник литературной молодежи, делится жизненным и творческим опытом, высказывает свое мнение о классиках, советует учиться у них, говорит о бурном росте советской культуры.

«Росту человеческих потребностей нет предела, — говорит А. М. Горький в одной из бесед с молодыми писателями. — Чем дальше человек будет жить, тем больше он будет хотеть. Человек никогда не будет доволен, никогда, и это его лучшее качество. Самое требовательное существо на свете — это человек. Если бы каким-либо чудом пришла неведомая сила и вдруг сказала бы: «Ну, ребята, не выходите три дня из ваших комнат». И вот посидели три дня в комнатах, вышли и увидели: вокруг устроен рай. Вы думаете, люди будут довольны? Нет. Они скажут: «Как? Рай? И без нас сделано? Не годится этот рай. Мы бы лучше устроили».

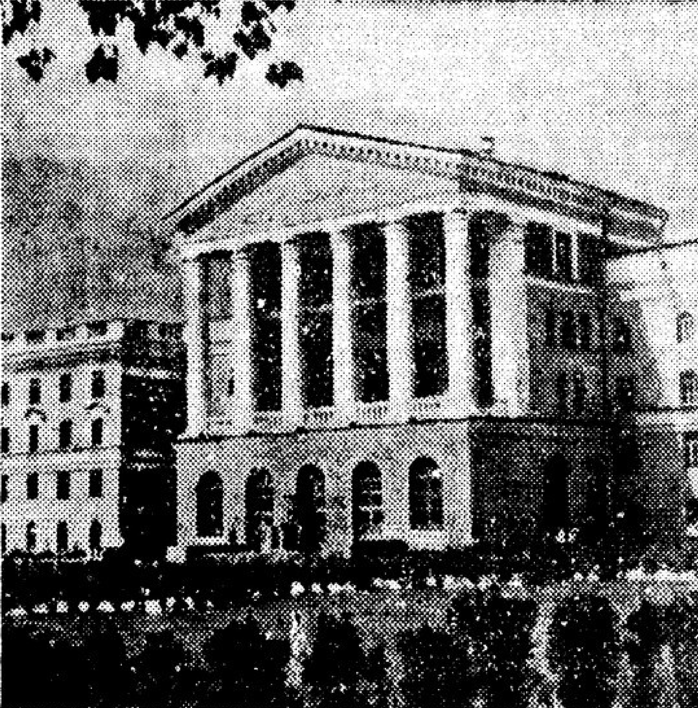
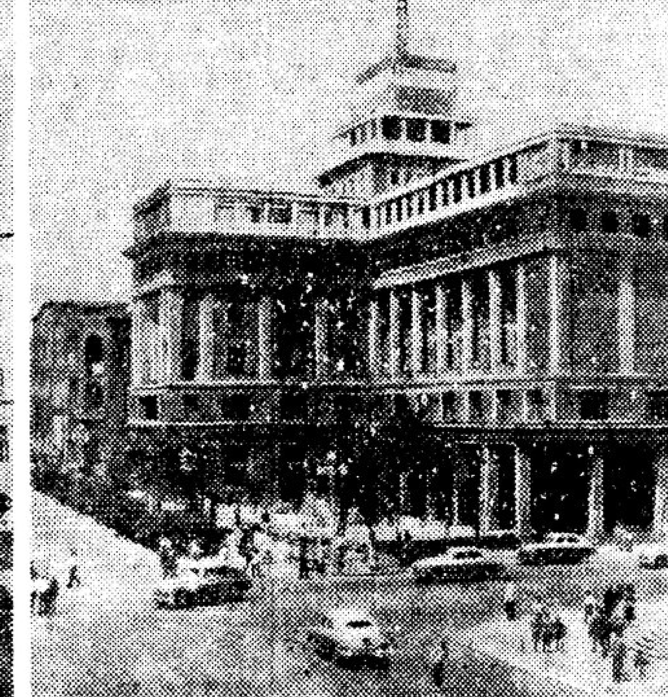
Это сказано в шутку, но это факт — росту человеческих потребностей нет предела. Только благодаря этому и существует непрерывный процесс культуры».

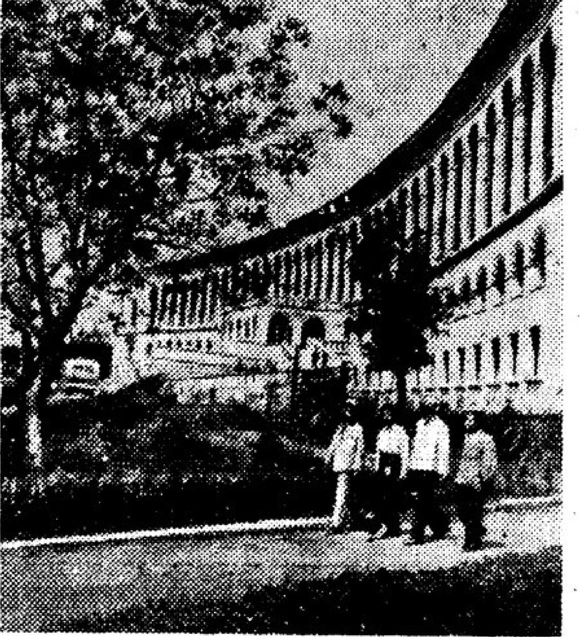
В этой же беседе Алексей Максимович рассказывал о том, как он работает, как происходит у него процесс накапливания жизненных наблюдений, опыта, как создается тип. О типическом, о создании обобщенных образов, говорит он и в своих ответах на анкету, с которой в 1931 году Издательство писателей в Ленинграде обратилось к ряду видных литераторов:

«...характер героя делается из многих отдельных черточек, взятых от различных людей его социальной группы, его ряда. Необходимо очень хорошо присмотреться к сотне-другой попов, лавочников, рабочих для того, чтоб приблизительно верно написать портрет одного рабочего, попа, лавочника».

Ответы на последние вопросы этой анкеты характеризуют исключительную скромность и требовательность А. М. Горького в оценке своей работы. Он, например, пишет: «Кончая работу, прочитываю всю ее с трудом и, почти всегда, с тяжелым сознанием неудачи».

Выходящий 26-й том А. М. Горького представляет большой интерес для писателей, особенно — молодых.

Взгляните на снимки. Эти дома самой разнообразной архитектуры, с красивыми колоннадами, летом окруженные зеленью, построены в Российской Федерации, Азербайджане, Белоруссии, на Украине и Кавказе. И почти все они новые — их возраст исчисляется месяцами или очень немногими годами. Новый детский дом под Москвой, институт в Минске, рабочая поликлиника в Никополе, кинотеатр в Баку, санаторий в Цхалтубо... Не перечислишь всего, что построено и строится в нашей стране для советских людей, для их образования, культурного отдыха, лечения...

Советское правительство каждый год отпускает большие суммы на то, чтобы как можно лучше удовлетворить постоянно растущие материальные и культурные потребности нашего народа. Некоторая часть средств для этого поступает от государственных займов. Советские люди охотно подписываются на заем 1953 года, зная, что трудовые рубли, отданные взаймы государству, помогут построить новые предприятия, жилые дома, санатории, театры, институты, клубы, еще лучше украсить жизнь народа.

НА СНИМКАХ (слева направо): 1. Новое здание детского дома в Быкове, под Москвой. 2. Главный корпус Белорусского государственного политехнического института имени И. В. Сталина в Минске. 3. Здание Центрального кинотеатра имени Низами в Баку. 4. Новая поликлиника Южно-Трубного завода в Никополе (Украинская ССР). 5. Санаторий горняков угольной промышленности в Цхалтубо.

Фото В. ШАРОВСКОГО, В. ЛУПЕЙКО, Ф. ШЕВЦОВА, С. ВИЛЬТМАНА, М. ГРАЧЕВА

В НАШЕМ УНИВЕРМАГЕ

ЗАМЕТКИ О ТОРГОВЛЕ

В 11 часов утра широко раскрываются двери нашего универмага, и через пять минут все огромное здание — от первого до четвертого этажа уже заполнено людьми. Тысячи покупателей расходятся по отделам магазина, выбирая товары. С этой минуты на протяжении девяти часов в тридцати шести отделах и секциях магазина кипит жизнь, не прекращается движение.

Я люблю наш магазин. Он очень хорошо совмещает в себе простор больших залов и атмосферу уюта, создаваемого фресками на стенах, широкими складками многоцветных тканей, огоньками в гранях хрусталя и флаконов на прилавках. Но главное — это не цветные огни и не богатое убранство витрин, а **содержание** беспокойной, шумной, энергичной жизни магазина, призванного выполнять поистине прекрасную работу: помогать людям использовать плоды своих трудов.

Магазин кажется мне зеркалом благосостояния трудящихся, а универсальный магазин — зеркалом, в котором изменение потребностей покупателя отражается, если можно так сказать, «во весь рост».

С 1949 года — первого года послевоенного существования сталинградского универмага — торговля в нем сразу же была поставлена на широкую ногу. Магазин имел все, что могла тогда предоставить покупателю наша советская промышленность. И, однако, какими скромными выглядят сейчас возможности того товарооборота по сравнению с нынешними! С тех пор товарооборот магазина вырос в два с половиной раза, а если учесть неоднократное снижение цен, то, по существу, в четыре раза. В 1950 году товаров было продано на 46 миллионов рублей больше, чем в 1949 году, в 1951 — на 56 миллионов, а в 1952 — на 90 миллионов. Надо ли говорить, что 1953 год добавит в этот список еще более внушительную цифру?

Богат наш магазин, много в нем товаров — сразу и не охватишь взглядом всего, что лежит под стеклом его витрин и прилавков, на полках, в отделах тканей и платья. Чувство гордости вызывает эта наглядная картина расцвета советской промышленности. Но меня не оставляет и другое — ощущение неудовлетворенности, что все еще никак не можем мы угнаться за потребностями сталинградцев.

Мы растем по дням, а спрос — по часам. И какой спрос! Вещь должна быть прочнее, солиднее, элегантнее, чем та, которая была приобретена в прошлом году или даже в начале этого года.

Покупатель требует больше добротных товаров. Собственно говоря, он хочет, чтобы все товары были добротными — от карандаша до гарнитура мебели.

Говоря языком товароведов, в этом году неузнаваемо изменилась «структура продаваемых магазином товаров». Вот шелк — дорогая, красивая ткань, прочно вошедшая в быт советских людей. По сравнению с прошлым годом универмаг продает шелка сейчас больше в три с половиной раза, мехов — в пять раз, часов и ювелирных изделий — в два раза, готового платья — в два с половиной раза.

За последнее время сталинградцы купили в универмаге мотоциклов и велосипедов на 8 миллионов рублей, разной мебели — на 10 миллионов рублей.

За стенами прекрасных многоэтажных домов, выстроенных после войны в нашем городе, не видно, сколько хороших вещей украшает квартиры сталинградцев. Уже стали привычными в доме нарядная и удобная обстановка, ковры, дорогая посуда, картины, музыкальные инструменты, шкафы и полки с книгами, сверкающий никель, темный или светлый колер хорошо отполированного благородного дерева. Все это богатство прошло через наши руки, все это приобретено в магазинах. Быть может, никто так наглядно не видит всех примет зажиточной, обеспеченной, культурной жизни рядового советского человека, как работники торговли, и особенно работники универсальных магазинов.

* * *

Шелк и мебель, — может быть, это и покажется несколько условным, — но именно они являются сегодня выражением новых возросших потребностей советского человека.

На днях мне пришлось выслушать несколько резких замечаний о диванах, которые наш универмаг предлагает покупателям.

— Кто теперь поставит в свою квартиру такой диван? — спросил меня один из наших покупателей, Владимир Матвеевич К.

Я легко представил себе: чудесные новые дома города, полные воздуха и света квартиры, и скучное четырехугольное сооружение, обитое скверной материей неопределенного цвета. Да, пожалуй, этот диван к этому дому на открытом грузовике и подвезти-то стыдновато.

Владимир Матвеевич был прав. Изучая вкусы и запросы населения, мы заинтересовались мнениями о качестве и ассортименте мебели, выпускаемой местным лесокомбинатом — нашим главным мебельным поставщиком. Семьдесят пять процентов покупателей в анкетах заочной покупательской конференции высказались решительно: «Сделано плохо, брать не будем!».

Мы изучаем вкусы потребителя постоянно и внимательно, самыми разнообразными способами. В этом нам помогают и анализ отчетных данных, и записи в книге предложений, и беседы с покупателями, и выставки товаров, и специальные конференции. И вот какая картина получается нынче, если взять, к примеру, шелк.

У моего заместителя по коммерческой части среди прочих дел есть довольно объемистая папка под названием «Переписка по расцветкам и рисункам». Официальные отношения чередуются с кусочками шелка — все это образцы тканей, забракованных нашими покупателями, точнее, покупательницами. Отношения адресованы текстильным фабрикам, содержание их кратко:

«Тбилисской фабрике имени Топуридзе. Крепдешин, артикул 1119 А. Данный рисунок на черном фоне совершенно не пользуется спросом, а поэтому просим в Сталинград его не засылать...»

«Фабрике имени Щербакова. Креп-паризьен, артикул 1130 (пять образцов). Рисунки и расцветки блеклые, несочные, спросом не пользуются. Просим нам не грузить...»

В папке немало таких писем; в них упоминаются десятки сортов тканей. Список велик, и, к сожалению, его приходится продолжать: текстильная промышленность порой еще плохо прислушивается к голосу покупателя и продавца и шлет нам ткани, которые иногда чуть ли не годами лежат в универмаге.

Продукция лучших фабрик страны, правда, завоевала уже добрую репутацию. Шелка «Красной Розы» и фабрики имени Свердлова идут у нас хорошо. А вот материю тбилисской и ереванской марок сталинградки предпочитают не брать: цвета этих тканей преимущественно мрачные или блеклые, к тому же они, как правило, быстро выгорают на солнце. Кто же захочет сегодня носить платье из такой ткани?

И так во всем. Прошло время дешевых одеколонов — покупатели требуют высококачественную парфюмерию со стойкими и нежными запахами. Люди молча отставляют в сторону тбилисскую и ростовскую обувь и берут продукцию фабрик «Скороход» и «Победа»: она изящнее и крепче.

В этом разговоре о буднях советской торговли нельзя умолчать и о наших взаимоотношениях с местной промышленностью. Она ближе всего к покупателю, ей легко узнать потребности своего города, области, района, здесь больше всего возможностей для улучшения качества товаров и уменьшения их себестоимости.

К сожалению, много хорошего тут не скажешь. Я уже упоминал почти не находящую сбыта продукцию местного лесокомбината. Комбинат не раз подвергали штрафам, передавали дела в прокуратуру, но он продолжает выпускать все тот же полубрак.

Попрежнему не может местная промышленность снизойти до «мелочей», крайне нужных населению. Нелепо привозить из Москвы, Ленинграда и других городов принадлежности для развешивания белья, ученические линейки и угольники, чернила, клей, скрепки, мячи. Много лет подряд доставляют в Сталинград из других областей чемоданы, т. е., по существу, посылают сюда вагоны, на девять десятых загруженные воздухом. Никак не освоят у нас в городе производство чайников, бидонов для молока, больших кастрюль; вся эта утварь тоже привозная.

От швейных изделий местной и кооперативной промышленности покупатель нередко отказывается. Была у нас недавно организована выставка, на которой демонстрировалось 137 образцов швейных изделий, — 117 из этих «образцов» комиссия признала негодными.

Беда в том, что многие предприятия живут представлениями минувших лет вместо того, чтобы заглядывать вперед, работать с перспективой, основанной на реальном росте культуры и благосостояния нашего общества. Не мешало бы работникам этих предприятий посмотреть иногда, как реализуется их продукция в магазинах. Не раз пришлось бы покраснеть директорам, инженерам, плановикам, мастерам мебельных, текстильных и других фабрик, выслушивая нарекания покупателей на плохое качество товара. Брак есть брак, о нем и разговор короткий — не берут. Только вещь, которая нравится покупателю, проверена в обиходе, рекомендована знакомому и соседу, может стать эталоном продукции.

* * *

Жизнь выдвигает и проблемы другого порядка. Вот, например, чулки. «Хозяйство» это тонкое. Нигде, может быть, не требуется от продавщицы (как, впрочем, и от покупательницы) столько внимания и терпения, как у прилавка, где идет торговля этим товаром.

Ни мы, ни посетительницы нашего универмага не можем пожаловаться на плохое качество чулок — ни шелковых, ни «капрон». Дело тут в другом: не сошлись во вкусах сталинградки и предприятия, отгружающие для нас чулки. Жительницы нашего города любят чулки светлых тонов. А почти все сорта чулок, предлагаемые нам, цвета «загар». Говорят, «загар» сейчас моден в Москве и Ленинграде. Что ж, вполне возможно. А в Сталинграде так много солнца, особенно в этом году, что нашим женщинам достаточно и своего загара. Зачем лишать их удовольствия носить то, что им по душе, — светлые чулки.

Почему же попадает в магазин то, что не нравится нашим покупательницам? Да потому, что до сих пор, пока ящик с чулками не вскрыт, мы не знаем точно, что в нем. Известно, что это — чулки «капрон», их размер, сорт. А вот цвет — об этом отправитель не извещает. Так как чулки цвета загара хорошо идут в Москве, подразумевается, что то же будет и в Сталинграде. Получается же вовсе не так! Этого самого «загара» у нас сейчас залежалось на складе около 8 тысяч пар.

Недостаточно точная артикуляция мешает торговать и обувью. Одни и те же артикулы обуви объединяют, например, полуботинки и туфли. До вскрытия ящиков мы не видим, что прислала нам база: под одним и тем же артикулом могут быть туфли и полуботинки, обувь с закрытым верхом и открытая, с отверстиями или без них, мелкая или глубокая. А покупатель-то требует вещь вполне определенную. В жарком летнем Сталинграде нужны легкие туфли. У нас же накопились запасы полуботинок, и магазин продолжает затовариваться ими. А ведь покупатель хочет получить в нашем универмаге летом сандалии, а не туфли на каучуке.

Та же история с тканями. Один артикул может объединять 10—20 разных рисунков. Вот магазин получает партию шелка: артикул знаком, рисунки этих тканей покупателям нравятся. Но упаковка снята, и наступает разочарование: вся партия состоит из шелка одного рисунка! А база формально права: этот артикул не вызвал у нас протеста, и мы не писали отношения с просьбой «не засылать в Сталинград». Но попробуйте заставить покупательниц быть довольными тем, что треть женского населения города будет ходить в платьях из шелка, разрисованного одинаковым узором!

Пора критически пересмотреть и некоторые стандарты. Установленные несколько лет назад, они уже не могут отвечать современным запросам и вкусам. Что из того, например, что изделия тбилисской обувной фабрики «соответствовали стандарту» и не были забракованы универмагом? Обувь забраковал покупатель.

* * *

Основываясь на недолгом, но достаточно богатом опыте работы нашего универмага, хочу сделать некоторые замечания и об организации торговли.

Планирование ассортимента и количества товаров, поступающих в магазины, производится, так сказать, сверху. На мой взгляд, эта система сейчас уже не годится. Из-за того, что большинство изделий мы получаем по централизованным нарядам, а не по согласованным заказам, в нашем универмаге, например, скопилось огромное количество фотопленки, пластинок, объективов, светофильтров — почти трехлетний запас быстро «стареющих» товаров. На два с половиной года обеспечены мы охотничьими ружьями, на три года — кружевами и галстуками.

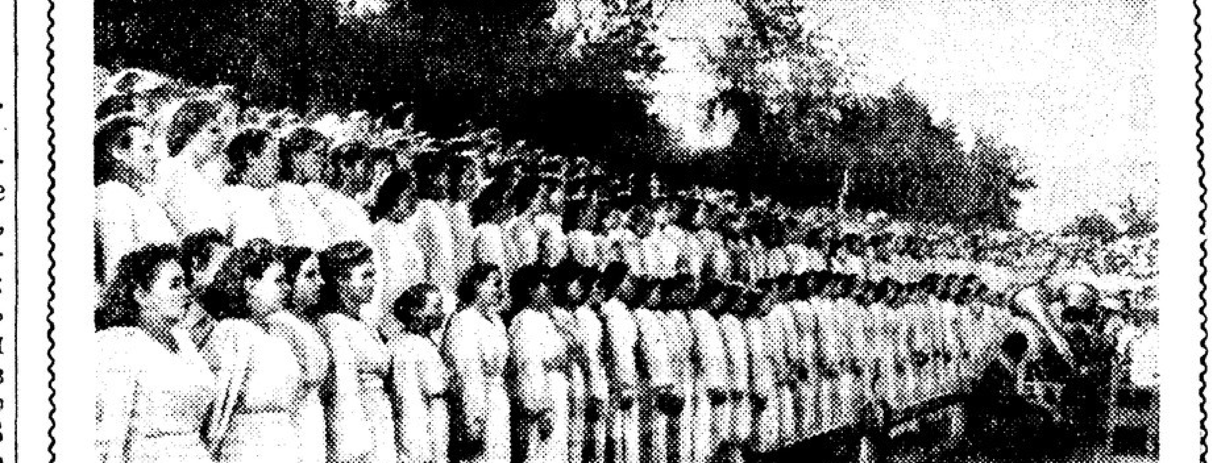
В то же время Сталинград ощущает недостаток в баянах и гармониках. Всем известно, — волжане песню любят. Но разнарядка неумолима: бери, что дают. А не дают как раз баянов!

Есть в нашей работе и еще один «больной» вопрос — это собственная торговая сеть местной и кооперативной промышленности. Предположим, мебельная артель прислала нам мягкие кресла — плохие и непрочные. Магазин забраковал их. К нашему удивлению, представитель предприятия не особенно огорчен. Почему? Да по той простой причине, что все забракованное будет отправлено теперь через «свои» торговые точки. Найдется покупатель, которому далеко ехать в универмаг, а здесь хоть товар и похуже, да ближе от дому...

Полезно, на мой взгляд, обсудить в связи с этим, не правильнее ли прикрепить отдельные предприятия местной промышленности к крупным торгующим организациям? Продукция этих предприятий будет поступать в большой магазин на договорных началах, и уж здесь-то обе стороны найдут общий язык — ясный, деловой, точный язык правильных взаимоотношений, направленных к одной цели: улучшению качества, увеличению количества товаров, нужных покупателю. А покупателя, советского человека с его все возрастающими потребностями, мы и призваны обслуживать. И делать это хотим хорошо.

И. МОРЕНКОВ,
директор универмага

СТАЛИНГРАД

Праздник песни в Горьком

Погожий июньский день. Тысячи горьковчан собрались на трибунах самого большого в городе стадиона «Торпедо». Сегодня на Празднике песни выступят перед ними 107 хоров, 35 танцевальных коллективов, 16 духовых оркестров.

На импровизированной эстраде — трехтысячный сводный общегородской хор. Мощно звучит Гимн Советского Союза. Хор поет «Кантату о Сталине», русскую народную песню «Как пойду я на быструю речку». Сводный духовой оркестр исполняет мелодии «Вниз по Волге-реке», «Как у наших у ворот». Народный хор меньше, чем сводный, но и в нем звучат тысяча пятьсот голосов. Горьковчане любят широкую песню, любят свой край, и не случайно здесь, на берегу Волги, мы слышим песни о преображенной могучей реке.

Зрители шумно аплодируют, когда взрослых сменяет сводный хор учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО. Но вот на зеленое поле под звуки «Марша демократической молодежи» выходят пятьсот танцоров. Всеми цветами радуги переливаются нарядные костюмы народов Советского Союза. Грациозная «Семеновна» — танец, пока еще мало известный. Его родина — Дальне-Константиновский район Горьковской области. Хочется от души поблагодарить и тех, кто «нашел» этот танец, и сводный танцевальный коллектив, который познакомил нас с ним. «Чешская полька» сменяется белорусской «бульбой», грузинский танец — украинским, а потом русским хороводом.

Так закончился праздник песни в городе Горьком. Следует отметить, что, к сожалению, стадион был плохо радиофицирован, многие слова и звук пропадали. И второе — не надо было устраивать концерт в горячую пору вузовских экзаменов: сильные студенческие хоры не смогли участвовать в празднике.

А в целом следует отметить большую работу, проведенную областным советом профсоюзов и городским Домом народного творчества.

г. ГОРЬКИЙ **Д. АНАСТАСЬЕВ**

На снимке: выступление сводного хора.
Фото Н. Капелюша

Читатель продолжает разговор

НЕПОНЯТНАЯ ЭКОНОМИЯ

11 июня 1953 года в «Литературной газете» был опубликован очерк Анатолия Злобина «Видеть будущее!» — об Уралмаше. В очерке говорилось, в частности, о причинах, тормозящих техническое обучение на заводе.

Сегодня мы публикуем полученное редакцией письмо группы мастеров Уралмаша.

В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР сказано:

«Учитывая возрастающее стремление взрослого населения к повышению своего образования, обеспечить дальнейшее развитие заочных и вечерних высших и средних специальных учебных заведений, а также общеобразовательных школ для обучения трудящихся граждан, без отрыва от производства». И дальше: «...обеспечить подготовку и повышение квалификации рабочих путем индивидуального и бригадного обучения и через систему курсов и школ, организуемых на предприятиях».

На Уралмашзаводе имеются всевозможные виды обучения. Рабочий Уралмашзавода без отрыва от производства может не только повысить свою квалификацию, изучить достижения новаторов, но и получить среднее и высшее образование.

Однако это важное дело иногда тормозится, казалось бы, из-за пустяков.

При Доме технического обучения имеется хорошо оборудованная учебная библиотека, где можно получить все необходимые пособия и даже позаниматься в читальном зале. По словам заведующей библиотекой, здесь свыше 60.000 книг. Библиотека систематически пополняется новинками как технической, так и учебной литературы. Однако штат библиотеки состоит всего лишь из одной сотрудницы — заведующей. С апреля и до сих пор проводится инвентаризация книжного фонда. В результате недостаточного внимания к библиотеке со стороны дирекции, мы почти лишены возможности пользоваться литературой, так как библиотека открыта только три часа в сутки — с 16 до 19 часов.

До 1951 года в Доме технического обучения работал буфет, где учащиеся имели возможность перекусить. Но в 1951 году буфет был закрыт.

В Доме технического обучения не хватает аудиторий. Это мы, курсанты, испытываем на собственном опыте. В аудиторию, рассчитанную на 25—30 человек, стараются вместить 40—45 человек. Если к этому добавить, что бывшая гардеробная занята парикмахерской и учащиеся вынуждены складывать пальто в аудиториях, то картина будет ясная — директор завода тов. Виноградов не проявляет забот о создании нормальных условий для учащихся.

В майском номере стенгазеты курсов мастеров была помещена заметка «Больше внимания курсам мастеров», в которой говорилось о нуждах учащихся. В ответ на заметку мы получили устное разъяснение начальника отдела технического обучения о том, что до окончания инвентаризации изменить расписание работы библиотеки нельзя и что только с осени библиотека будет работать с 14 до 22 часов. Увеличить штат библиотеки якобы невозможно без разрешения министра. Буфет может быть открыт лишь после освобождения Дома технического обучения от посторонних организаций, в конце 1953 года.

Подобное разъяснение курсантов не удовлетворяет. Мы, проработав на заводе 15—20 лет, имеем большой практический опыт, являемся мастерами-практиками. Просим министра транспортного и тяжелого машиностроения создать нам нормальные условия для повышения наших теоретических знаний.

Косарев Н. Я., Смирнов П. Ф., Половинкин А. И., Григорьев А. А., Бундин Н. И., Гусев И. И., Баранов Г. А., Коротенко И. Л., Андреев А. Е., Никулин А. К., Иванцов П. В.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

«Левый берег» Н. Строковского («Радянський письменник». Киев. 1952. 341 стр.) — это роман о первых месяцах Великой Отечественной войны, о тружениках советского тыла, об эвакуации одного из крупнейших металлургических заводов Украины. Н. Строковский поставил перед собой задачу: воссоздать типическую картину борьбы советских людей против фашистских поработителей.

Читатель с волнением следит за событиями, развернувшимися на заводе «Сергосталь» с первого дня войны. Эти события драматичны и величественны. Н. Строковскому удалось изобразить героизм дружного коллектива металлургов, самоотверженно работающих в прифронтовых условиях, бесперебойно выполняющих важнейшие заказы фронта и планомерно демонтирующих завод, оснащенный громоздкой и сложной техникой. Под вражеской бомбежкой и обстрелом уходит на восток последний эшелон с оборудованием металлургического гиганта.

Пафос творческого труда — сильная сторона романа «Левый берег». В этом отношении характерна следующая сцена: в очень трудные дни, когда фашистские войска подходят вплотную к заводским воротам, сталевары мартеновского цеха обращаются к парторгу ЦК Сагайдаку с просьбой поддержать их новое рационализаторское предложение. Находятся инженеры, полагающие, что в прифронтовой обстановке не следует заниматься новшествами. Однако парторг Сагайдак и директор завода Уманец поддерживают новаторов. Творческая инициатива так органично присуща советскому народу, что ее, эту великую силу, не способны подавить никакие обстоятельства.

Вот вкратце те основные идейные и сюжетные линии романа, которые позволяют говорить об умении автора выделить из событий главное, ведущее, типическое.

Однако автору не удалось полностью использовать богатые возможности хорошего замысла.

Роман густо заселен людьми, но видишь этих людей, словно сквозь туманную дымку: это скорее силуэты, нежели объемные фигуры. Н. Строковский очень подробно, день за днем описывает события, характеризующие борьбу с техническими трудностями, которые встречаются на пути металлургов «Сергостали». Трудно согласиться с такой организацией материала. Роман значительно выиграл бы, если бы автор строже подошел к композиции. Нескольких технических проблем, связанных с демонтажем завода, было бы достаточно для того, чтобы развернуть вокруг них столкновение характеров, борьбу мнений, тот основной конфликт, который дал бы возможность глубже изобразить главное — благородную душу советского человека.

У Н. Строковского, однако, получается иначе: **события заслоняют людей;** даже главный герой романа Уманец представлен прежде всего как человек, мыслящий технически; его чувства, его психология отодвинуты на задний план. И это, на наш взгляд, не случайно, это своего рода авторский принцип.

Вот, например, мы встречаемся с Уманцем в трудный для него момент: он поддался слабости и принял решение минировать завод. Сагайдак, сослуживцы Уманца категорически возражают. Через некоторое время Уманец вполне осознает, к каким гибельным последствиям привело бы исполнение его решения. Однако от читателя намеренно скрываются мысли и чувства Уманца, потерпевшего серьезное поражение. Н. Строковский просто-напросто убирает его на некоторое время со страниц романа. Характерно такое авторское замечание: «И Уманец подумал, что, хотя они вместе работали три года, не всю душу Сагайдака он познал, и многое оставалось в ней за семью печатями».

«За семью печатями» остаются для читателя души многих действующих лиц романа Н. Строковского. В результате создается впечатление, что техника значительно сложнее человека, что главная трудность — это решение технических проблем, а воспитание человеческой души — дело простое, легкое.

И, наконец, о языке романа. Такие фразы, как: **«Густой дым** над трубой шестой печи **заявлял громогласно,** что идет плавка стали с перерасходом топлива», — не случайная небрежность. Н. Строковскому следует серьезно задуматься над обогащением и очищением своего языка.

И невольно думаешь: каким значительным мог бы стать этот роман, если б автор не пожалел труда и поставил людей вровень с событиями, которые он описывает.

Вл. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

РАССКАЗЫ О ПОЭЗИИ

Читаешь и перечитываешь эту тринадцать лет назад написанную книгу, которая заслуженно переиздается уже не в первый раз, и думаешь: если бы ее героем был не реально существовавший Сулейман Стальский, а вымышленный народный певец, сохранила бы она свое значение и художественное обаяние? Несомненно, сохранила бы!

Рассказы, вошедшие в книгу **Эффенди Капиева «Поэт»** («Советский писатель», 1953, 268 стр.), воссоздают образ Сулеймана настолько выразительно, что вы ощущаете поэта, как живого. И в то же время они больше, чем художественный портрет Сулеймана Стальского. Это рассказы о высоком назначении поэзии и о неразрывной связи ее с жизнью.

В полустраничном предисловии Капиев точно определил сквозную тему книги и ее стиль. «Автор поставил перед собой дерзкую задачу: показать через поэта прозу жизни, ее течение и будничный колорит». А заканчивается предисловие романтическим образом старого певца, следящего за парением орла. Поднявшись с отдаленной вершины, орел «медленно, описывая круги, взлетает все выше и выше. Закатное солнце делает красным его оперение».

Таким поэт входит в книгу: он изображен в великих буднях жизни народа, и это — та вершина, с которой устремляется ввысь его песня: «...Поэт должен быть орлом: летай, раскрывай крылья пошире!» («Разговор о поэзии»).

И в конце книги Капиев снова возвращает нас к образу, завершившему предисловие. «В орлином красном опереньe мчится время», и, увлеченный стремительным движением нашего времени, старый певец ощущает за спиной молодые крылья.

Эффенди Капиев рассказывает, как в потоке жизни кристаллизуется поэтический образ. Наиболее интересен в этом отношении рассказ «Песня». Сулейман «просто так» гуляет по аулу и, глядя на деяния людей и разговаривая с ними, «слушает время». Трудно передать содержание рассказа. Его сила — в еле уловимых оттенках, намеках, интонациях. Они позволяют нам ощутить, как будничное общение поэта с людьми и природой приводит его в «величаво-спокойное» состояние, предшествующее рождению песни.

Поэт ведет беседу с землепашцами и строителями, с древними стариками и малыми детьми, он слушает вести о войне «в иных государствах», он делит радость с теми, кто возводит новый дом, и напутствует добрым советом юношу, который с винтовкой за плечами отправляется бить диких кабанов, забравшихся в колхозную кукурузу. Зреет полдень, и нерушимой встает тишина в садах. И рождается образ — «покой крепости», рождается песня об Армии, оберегающей наш мирный труд.

«Проза жизни» для Капиева — это кипение жизни, вне которого поэт немыслим. «Дело поэта такое дело: всех касается», — говорит Сулейман. Песня дает ему уважение народа и власть над сердцами людей. Он скажет, — и человек становится добрым и храбрым. Он скажет, — и люди в пять дней пускают горный поток через ущелье на иссохшие поля («Народ»).

Огромная любовь к тому, о ком он пишет (а без любви или ненависти нельзя писать не только поэту, но и о поэте), позволила Капиеву показать всю противоречивость образа человека, вырванного из тьмы феодализма и распрямившего плечи под солнцем социализма. Певец неграмотен, он консервативен во многих своих бытовых привычках, но мудрый взгляд его всегда устремлен вперед. Как широка и благородна душа поэта-горца, как детски чисты его помыслы и его лукавство, и как величав он, осознавая себя хозяином в своей большой стране — в родном ауле и на московской улице, среди старейшин колхоза и в Кремле!

Капиев сблизился с Сулейманом в годы, когда к поэту пришла широкая известность. Но пришла и старость. И писатель честно рассказал нам о грусти в больших серых глазах певца, о его слезах при взгляде на опавший осенний лист и размышлениях о молодости, сгоревшей в мрачном прошлом, и о старости, настигшей его на заре новой жизни. Но и здесь Капиев увидел величие поэта. Он рассказал, как Сулейман боролся со старостью, оберегая от нее свежесть своей души, свою песню, устремленную в будущее.

Читатель с интересом прочтет эту поэтичную книгу, выдержавшую испытание временем. Жаль, что издательство не снабдило ее хотя бы краткой справкой об Эффенди Капиеве, безвременно погибшем талантливом писателе, и о той большой роли, которую он сыграл, как лучший переводчик и горячий пропагандист творчества «Гомера XX века».

В. ГОФФЕНШЕФЕР

◇

КАК ВСЕ ПРОСТО!

Молодой писатель **А. Филёв** в своем романе **«Елена Русанова»** (Киров. 1952. 191 стр.) рассказывает о патриотических делах, героическом труде колхозников в дни Великой Отечественной войны.

На обложке — портрет героини романа, простой русской женщины. Раскрывая книгу, хочешь верить, что портрет этот оживет на страницах, согреет вас человеческим теплом. Но, читая роман, испытываешь разочарование. И не потому, что молодому писателю не удалось поднять еще не тронутые пласты в уже не новой, использованной до него теме. В романе, на первый взгляд, все на месте, все соблюдено. Героиня Елена Русанова наделена всеми положительными качествами, присущими героиням. У нее «...открытое, всегда светящееся внутренней теплотой и лаской лицо...» Автор заверяет, что «...любовь к труду и к людям — определила жизненный путь Елены, ее успехи».

Рядом с ней — секретарь райкома Ермаков. По словам автора, он умеет «...говорить просто и вместе с тем так убедительно, что слова его западали в душу». Он «...принадлежал к той категории людей, которые не боятся признавать собственные ошибки».

Здесь же и инженер Пчелинцев — немолодой человек, влюбленный в героиню. Он тоже «...принадлежал к той категории людей, которые умеют отлично работать и отдают себя целиком, без остатка любимому делу».

Однако простим автору досадные декларативные характеристики героев и обратимся к делам и событиям, которыми живут рядовые колхозники села Огонькова и их руководители. Быть может, делами и поступками они подкрепят все то, что о них сообщил автор?

В трудных условиях военного времени строится межколхозная гидроэлектростанция. Инженер Пчелинцев понимает всю сложность этих работ: «Но вы подумайте: стройка в пять с лишним миллионов обойдется. Одного леса четыре тысячи кубометров. А сколько цемента, кирпича, других материалов. Это еще под силу вашим колхозам. Но где взять людей? Вот вопрос!

— Вы это серьезно? — спрашивает Елена. — И взаправду хотите уехать?.. Вы не знаете наших людей».

Этих слов, повидимому, оказалось достаточно для решения важнейшего вопроса о том, где взять семьсот рабочих. Строительство развертывается полным ходом, стучат топоры плотников, а откуда эти плотники появились, читателю неизвестно. Автор явно упрощает события, явления жизни. Слишком уж легковесно решает он многие важные, им же поставленные вопросы. И в этом заключается основной недостаток его романа.

«Не всегда она (работа. — **А. Б.**). ладилась... Новое давалось нелегко, старое еще цепко держалось. Но рано или поздно новое должно было победить». Однако победа нового приходит в романе нередко почти без борьбы, без преодоления трудностей. С появлением Елены Русановой или Ермакова мгновенно проясняется любая обстановка, без труда решаются сложнейшие вопросы. Герои бесконечно умиляются друг другом. А автор безмерно восхищен всеми.

Елена думает о Ермакове: «Вот это человек! Настоящий коммунист!» Сам же Ермаков «...удивлялся и радовался тому, как быстро выросла эта молодая женщина».

Нет, не подкрепляют герои романа своими делами и поступками искренних авторских усилий нарисовать их как можно лучше, как можно красивее. Упрощена обстановка, упрощены трудности, упрощен, обеднен духовный мир огоньковцев, которые, несомненно, и ярче и содержательнее в жизни, нежели в романе А. Филёва.

Это тем более досадно, что некоторые страницы свидетельствуют о литературных способностях автора. Речь отдельных героев живая, образная. Удалось А. Филёву нарисовать, правда, несколько традиционную фигуру колхозного балагура, старика Мусника. Живыми черточками наделены и свекор Елены старик Русанов, и бригадир Вешкин, и нерадивый председатель колхоза Залесов. Умеет автор писать и картины природы. Но эти способности в малой степени раскрылись в книге.

Александр БЫЛИНОВ

◇

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Читая повесть **В. Мелентьева «Леший хребет»** (Иркутск. 1952. 218 стр.) о жизни и труде советских золотоискателей, лишний раз убеждаешься, что основой ценности художественного произведения всегда являются человеческие образы, их правдивость, глубина их разработки, их яркость. Как бы ни был значителен материал произведения, занимателен сюжет, — если не будет правды в характерах и поступках действующих лиц, то и наиболее жизненный сюжет может показаться выдумкой.

В познавательном отношении книга В. Мелентьева, несомненно, интересна. О делах и днях небольшого золотого прииска «Дальний», расположенного в глухой тайге, автор рассказывает местами с настоящей взволнованностью.

Однако интересный и своеобразный мир повести из-за недостатков, ей присущих, кажется отделенным от читателя как бы мутноватым стеклом, мешающим разглядеть картины жизни, нарисованные писателем. Автор не разработал достаточно правдиво характеры действующих лиц, играющих значительную роль в развитии сюжета, и не связал разнообразный материал единым четким сюжетом.

Вернувшийся с фронта старатель Степан Иванов, уроженец прииска «Дальний», по-

СЛОВО ПОЭТА-ДРАМАТУРГА

Слово Маяковского-драматурга долгое время оставалось не оцененным театрами и критикой. Сейчас драматургия Маяковского снова становится достоянием не только читателя, но и слушателя и зрителя. Широкий общественный отклик получила радиопостановка «Бани», после которой пьеса начинает возвращаться и на сцены театров. На эстраде с исполнением «Клопа» выступают два мастера художественного слова — Георгий Сорокин и Валерий Сысоев.

Работы Сорокина и Сысоева — две совершенно различные манеры исполнения. И в каждой из них — свои достижения и свои недостатки.

Г. Сорокин и В. Сысоев исполняют не фрагменты «Клопа», а целостное драматическое произведение. Но оба делают некоторые купюры. Г. Сорокин читает целиком первую половину пьесы и вносит в три картины второй части сокращения, уместные для чтеца. В. Сысоев выпускает ряд эпизодов из различных картин, но не всегда удачно. Так, можно пожалеть, что Зоя Березкина появляется лишь в первой картине, — ведь у Маяковского она, так же как Присыпкин, переходит из первой части пьесы во вторую; их встречи через 50 лет вносят добавочные штрихи в облик Присыпкина.

Оба артиста дополняют текст «Клопа» материалами из других произведений Маяковского, придавая этим пьесе тот обобщающий характер, который в условиях театра достигается чисто сценическими средствами. Оба начинают выступление стихотворением «О дряни» (думается, что в данном случае нет необходимости читать его целиком). Далее Г. Сорокин включает между картинами «Клопа» отрывки из сатирических стихов и некоторые лозунги к «Бане». Но четверостишие из «Помпадура», которым он заканчивает чтение, мало подходит к содержанию «Клопа». В. Сысоев исполняет сцены «Клопа» без «прослоек». Текст же, завершающий его выступление, найден более удачно: стихотворение «Выволакивайте будущее!», как и самая комедия, проникнуто пафосом устремления в будущее, призывает к борьбе с тем, что тормозит движение нашего общества вперед.

Г. Сорокин выступает как чтец. Произнося реплики различных действующих лиц, он не старается менять голос и прибегает лишь к различным интонациям и ритмам; умело пользуется паузами. Мимика его сдержанна, но выразительна, жест — скупой, но четкий и определяющий.

Такое ограничение выразительных средств ставит перед исполнителем очень трудную задачу. Он выступает как бы «от автора» и должен донести до слушателя содержание драматического произведения почти исключительно через слово. Г. Сорокин бережно относится к слову Маяковского: он читает текст очень точно и отчетливо. И ему удается так передать мысль поэта, что слушатель может реально представить себе сцены пьесы; именно так во второй части пьесы переданы картины, происходящие в мире будущего.

Однако исполнению Г. Сорокина иногда недостает той эмоциональной силы, страстности агитатора, той особенной выразительности в подаче каждого слова, которой требует сценическая речь Маяковского. Поэтому не во всех характеристиках действующих лиц достигается необходимая определенность. На первых выступлениях Г. Сорокина в репликах Присыпкина и Баяна исполнителем недостаточно разоблачалась враждебность всего склада мещанской психики советскому образу жизни. Теперь Г. Сорокин в характеристике Баяна куда ярче раскрывает наглость, свойственную этому растленному приспособленцу. В образе же Присыпкина артист еще только нащупывает существенно важные для такого разоблачения черты. Фраза «Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть» звучит, как декларация перерожденчества, и это найдено правильно. Однако у «поразительного паразита» еще мало свойственной ему самоуверенности; опасность «присыпкинщины» оказывается недостаточно подчеркнутой.

В. Сысоев подготовил свое выступление при участии режиссера В. Плучека. Их содружество оказалось удачным еще и по той причине, что оба они в свое время воспринимали непосредственно от Маяковского — непревзойденного исполнителя собственных произведений — способы интерпретации его сценического слова, играя в пьесах Маяковского: В. Сысоев в «Мистерии-Буфф», а В. Плучек — в «Клопе» и «Бане». Разумеется, одного этого обстоятельства далеко не достаточно для успеха их работы. Суть дела в том, что и постановщик и исполнитель усвоили особенности сценической речи Маяковского, а это вполне доступно и артистам, не слышавшим поэта, если они творчески проникнут в природу диалога его пьес, которая определяется политической, пропагандистской направленностью драматургии поэта. Понимание своеобразия диалога Маяковского сказалось и в манере чтения В. Сысоева, и в трактовке образов комедии.

В отличие от Г. Сорокина, В. Сысоев широко пользуется различными средствами актерской выразительности. В некоторых сценах его игру сопровождает музыка (рояль, а также гитара, на которой играет сам артист). Среди ряда интересных режиссерских находок можно отметить, в частности, использование платка, в одной и той же картине исполняющего роль и скатерти, и салфетки, или фигурирующего в качестве платочка при танце.

Все это помогает В. Сысоеву убедительно раскрыть характеры персонажей и, в первую очередь, главного из них — Присыпкина. Речевая выразительность, мимика, жест мобилизованы артистом, чтобы остро обличить наглую самоуверенность «человека, с треском отрывающегося от класса во имя личного блага», показать, как «из бытового мещанства вытекает политическое мещанство», заклеймить опошление культуры.

Для каждого из основных действующих лиц комедии В. Сысоев нашел типические жесты. Так, руки, засунутые в карманы пиджака, передают облик Присыпкина, а руки в изломе — облик Эльзевиры Ренесанс. Это избавляет артиста от необходимости называть имя того, кто произносит реплику, что очень существенно при чтении пьесы. В. Сысоев — *один!* — как бы выводит на эстраду целую галерею мещан; играя в третьей картине многочисленных участников свадебного торжества, он создает ощущение толпы.

Артисту очень удаются переходы не только от одного персонажа к другому, из одного настроения в иное (скажем, от мещанского «томления» к грубости), но и переходы в пределах отдельной реплики. Например, делая после выспренне произносимых слов Баяна «...как будто в лунную ночь в мечтах и меланхолии...» короткую паузу и уже другим, несколько пониженным тоном заканчивая фразу «...из пивной возвращаетесь», — артист обнажает подоплеку мещанской «романтики».

Заслуга Г. Сорокина и В. Сысоева в том, что они наглядно и действенно раскрывают силу слова Маяковского-драматурга. Не только реплики действующих лиц, но и ремарки получают живой отклик зрителей, которые с увлечением слушают от начала до конца всю комедию, прерывая исполнение многочисленными взрывами смеха.

Успех «Бани» в радиопередаче и «Клопа» в исполнении Г. Сорокина и В. Сысоева подчеркивает необходимость возвращения драматургии Маяковского на сцены наших театров. Начало уже положено: «Баню» поставил Псковский драматический театр, ее готовит и московский Театр сатиры. Пусть скорее и на многих сценах зазвучит могучее слово великого поэта, оживут образы его пьес, незаслуженно оставленных без внимания нашими театрами.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Ереванский скульптор Р. Л. Симонян работает над серией керамических фигур «Пляски армянского народа».

Фото А. Невежина

Памяти Остапа Вересая

КИЕВ. (**Наш корр.**). 150 лет назад в семье полтавского крепостного Микиты Вересая родился сын — Остап. Рано развился редкий талант юноши—певца и музыканта. Затем Остап Вересай сам стал слагателем песен, одним из выдающихся кобзарей прошлого столетия. Его глубокие и страстные думы носили в себе смелый протест против социального гнета. До глубокой старости преследуемый властями, кобзарь с мальчиком-поводырем ходил от села к селу, обличал в своих песнях врагов трудового украинского крестьянства.

В свое время творчеством Остапа Вересая живо интересовались Т. Шевченко, подаривший народному певцу экземпляр своего «Кобзаря», композитор Н. Лысенко, записавший много его дум и песен. Произведения Остапа Вересая изданы на Украине отдельным сборником.

150-летие со дня рождения выдающегося народного певца Украины отмечено в Киеве большим вечером. В нем участвовала литературная и музыкальная общественность города. Юбилейный вечер состоялся также в селе Сокиренцы на Черниговщине, где находится могила Остапа Вересая. В Сокиренцы выезжала делегация украинских и русских писателей, композиторов, музыкантов, научных сотрудников Академии наук УССР во главе с М. Рыльским.

«ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ» НА УЗБЕКСКОЙ СЦЕНЕ

ТАШКЕНТ. (**Наш корр.**). С большим успехом идет на сцене Государственного узбекского академического театра драмы имени Хамза пьеса Назыма Хикмета «Рассказ о Турции». В настоящее время театр приступил к репетициям драматической поэмы Назыма Хикмета «Легенда о любви». Автор прислал в Ташкент оригинал пьесы на турецком языке. Ее перевод на узбекский язык осуществлен действительным членом Академии наук Узбекистана Гафуром Гулямом.

Работая над спектаклем-сказкой, коллектив театра поддерживает постоянную связь с автором, внимательно прислушивается к его советам. Узбекским актерам особенно понятна и близка история вдохновенной любви юноши Ферхада к красавице Ширин, воспетая еще Алишером Навои. Под пером турецкого поэта-революционера эта древняя восточная легенда зазвучала с новой силой, приобрела живые краски современности.

В спектакле заняты ведущие мастера сцены. В конце июля театр познакомит зрителей с новой пьесой.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Всем моим товарищам соратникам, профессорам, преподавателям и студентам вузов и многочисленным друзьям читателям приношу сердечную благодарность за их трогательные приветствия в день моего семидесятилетия.

Федор ГЛАДКОВ

Проблемы советской литературы

Обсуждение сборников Института русской литературы

Выход в свет двух первых томов «Вопросов советской литературы», выпущенных Институтом русской литературы (Пушкинским домом), привлек большое внимание критиков, литературоведов, учителей, аспирантов, студентов. Сборники посвящены творчеству крупнейших советских писателей — Горького, Маяковского, Фадеева, Леонова, Макаренко, Твардовского. В центре внимания исследователей — произведения 20-х годов. Главная тема первого тома — Горький и советская литература, второго тома — изучение языка и стиля советских писателей.

10 и 11 июня в Ленинграде состоялось обсуждение обоих сборников. В нем приняли участие писатели Мариэтта Шагинян, В. Саянов, В. Кочетов, представители Института литературы В. Базанов, Н. Бельчиков, А. Бушмин, И. Дмитраков, А. Дымшиц, Л. Ершов, В. Ковалев, Б. Мейлах, В. Тимофеева, критики и литературоведы Москвы и Ленинграда.

Обсуждение проходило в свете передовой статьи «Правды» от 9 июня 1953 года «Преодолеть отставание литературоведения».

О традициях

Одним из коренных вопросов, явившихся предметом обсуждения, стал вопрос о новаторстве и традициях, в частности, о горьковских традициях нашей литературы. Достоинство сборника состоит в том, что авторы отказались от не изжитого еще стремления свести вопрос о творческих связях Горького с советскими писателями к узкому биографизму, к описанию личных встреч, знакомств, отдельных высказываний и т. д. Так строились, например, многие работы о Горьком и Маяковском. А главное, что должно интересовать исследователя, — творческие взаимоотношения, — оставалось в стороне.

Верно поступила В. Тимофеева, обратившись в статье «Горький и Маяковский» к анализу того, что сближало эстетическую программу писателей. Известно, что в последние годы жизни поэта отношения его с Горьким были сложными. Задача исследования—правдиво раскрыть эту сложность, не упрощая, не подгоняя под заранее придуманную схему. Как отметил Б. Бялик, В. Тимофеева иногда «улучшает» историю литературы. Отдельные высказывания Горького о Маяковском были ошибочными. Как показывают документальные материалы, в конце 1935 года Горький пересматривает некоторые свои взгляды на Маяковского, решительно отказываясь от той предубежденности, которая искусственно подогревалась в нем недоброжелателями поэта, впоследствии разоблаченными, как враги советской литературы.

Ряд свежих, ранее не привлекавшихся материалов использовал в своей статье «Горький и Леонов» В. Ковалев. Мы находим здесь интересные наблюдения, например, о влиянии автора «Городка Окурова» на молодого Леонова. Однако, как отмечалось на обсуждении, говоря о влиянии Горького, автор мало раскрыл творческое своеобразие Леонова. А ведь вся животворность могучего горьковского воздействия на советских литераторов в том и состоит, что Горький не «подчиняет» себе, а, наоборот, помогает каждому талантливому писателю полнее, свободнее, смелее проявить свое, здоровое, самобытное.

Горького изображают порой как бы вне литературного процесса, «над» литературой, забывая о том, что великий писатель был прежде всего активнейшим участником литературного движения, литературной борьбы. Справедливы были упреки, раздававшиеся на обсуждении по адресу А. Бушмина, который в своей статье «О ранней советской прозе» не учитывает в достаточной мере, сколь активна была в литературе 20-х годов роль Горького, наставника и организатора советской литературы, автора мемуаров о Ленине, о Толстом, романа «Дело Артамоновых», написанных именно в эти годы.

Как отметил в своем выступлении А. Дементьев, отдельные участники сборников не избежали ошибочного решения вопроса о классических традициях и их роли в развитии социалистического реализма. Так, А. Бушмин не нашел верных, точных слов для определения отличия советской литературы. Он пишет, что литература социалистического реализма «дополнила пафос отрицания отживших форм жизни пафосом утверждения нового бытия, творимого всем народом под руководством партии...», что литература «перешла от изображения народа-страдальца к изображению народа — творца новой истории».

Таким образом, получается, что русская классическая литература изображала народ страдающим, не видела в нем протеста, бунтарского, героического начала.

Надо надеяться, что авторы учтут критические замечания и углубят научную разработку одного из коренных вопросов нашей литературной науки — вопроса о роли классического наследства.

Изображение народа

Как отмечали выступавшие, во многих статьях сборников не чувствуется ясной концепции истории литературы, не всегда раскрывается процесс ее развития.

Двадцатые годы — важный этап в развитии нашей литературы. В центре творческого внимания и интереса писателей—народ, вышедший на историческую арену, ставший на путь сознательного исторического творчества. Авторы сборника подвергли убедительной критике попытки преувеличить роль личности в истории, изобразить исторический процесс, как результат усилий одиночек. Народ, сбросивший иго эксплуатации, ставший хозяином земли, творцом новой жизни, — вот главный предмет советского искусства. Однако народ не изображается, как однородная, недифференцированная масса. Специфика литературы требует отражения действительности в ярких художественных образах.

В статье «О ранней советской прозе» А. Бушмин стремится доказать, что сначала наша литература изображала массу, а потом — отдельных героев. Он объясняет это тем, что в первые годы революции характер советского человека еще не сложился. Такая точка зрения была подвергнута справедливой критике.

— Ярко и правдиво показать трудовой народ как творца истории, главного героя нашей литературы, — сказал В. Озеров, — первостепенная задача советских писателей. Замысел А. Бушмина был верным: подчеркнуть роль народа, масс. Однако этот замысел реализован не всегда верно. Объективно получается некоторое противопоставление масс личности. В статье говорится, что для всей литературы 20-х годов характерно изображение массы недифференцированно, так сказать, «сплошняком». Но обращение к фактам опровергает эту мысль. Лучшие наши художники слова изображают героя, революционера, коммуниста-руководителя **всегда с массами и в то же время во главе масс.**

Не случайно статья А. Бушмина вызвала столь оживленное обсуждение. Как отмечали все участники, несмотря на ряд серьезных ошибок и неточностей, это — интересная и талантливо выполненная работа. Автор проявил несомненное художественное чутье, с большим умением на ряде конкретных примеров передал своеобразие творческой манеры Серафимовича, Фурманова, Фадеева.

Горячо и убедительно говорила Мариэтта Шагинян.

— Обратимся к незабываемому времени 20-х годов. Новые производственные отношения утверждались в стране. Кончилась гражданская война. Но еще миллионы мелких товаропроизводителей жили во власти собственнических инстинктов. И перед нами, перед советской литературой, встала величайшая задача — перевоспитывать массы, учить каждого чувствовать себя не мелким хозяйчиком клочка своей земли, а большим хозяином всей советской земли.

Как решается эта задача? Прежде всего без всякой лакировки. Шолохов, Панферов и ряд других писателей сумели правдиво передать состояние мелкого производителя, который страстно цеплялся за уходящую собственность. Если бы наша литература, самая свободная и правдивая в мире, лакировала существовавшие тогда в обществе отношения и сразу бы изображала идеального крестьянина, который, не раздумывая, идет в колхоз, легко расстается со старой жизнью, — это была бы литература, которая никакого действия на человека не могла бы оказать, потому что фальшь в искусстве бездейственна. В то время как зарубежные наемные писаки «крыли» нас за то, что мы якобы создаем произведения по заказу, что мы в своем творчестве не свободны и т. п., — наши писатели с предельной правдивостью, искренностью, точностью отражали чувства и переживания миллионов наших людей.

С этих позиций М. Шагинян подвергла критике ряд статей сборников, не дающих представления о всем богатстве советской литературы.

Мастерство писателя

Второй том «Вопросов советской литературы» — одно из первых научных изданий, где авторы обращаются к конкретному изучению языка и стиля писателей на основе сталинского труда «Марксизм и вопросы языкознания».

В. Тимофеева показывает связь новаторства Маяковского с традицией живой народной речи, с крылатыми выражениями, пословицами, поговорками. Анализируя портрет героя, пейзаж, эпитет, сравнения, А. Бушмин убедительно подводит читателя к выводу о том, что все образные средства художника подчинены раскрытию замысла, внутреннего состояния героя, его роста, становления характера. Интересные примеры мастерства Леонова, создающего замечательные речевые характеристики персонажей, содержит статья В. Ковалева. Несомненную пользу принесут статьи К. Муратовой о борьбе Горького за богатство и чистоту языка и А. Дымшица «А. Н. Толстой о литературном языке». Верные наблюдения есть в сообщениях С. Касторского, Н. Желтовой и в других работах.

Однако, как отмечали А. Дементьев, А. Тарасенков, В. Друзин, Б. Мейлах, В. Перцов, Б. Костелянец, авторам статей не удалось до конца изжить академизм и описательность в изучении стиля. Особенно характерна в этом отношении статья И. Эвентова «Тема коммунизма в поэзии Маяковского», лишенная творческого подхода к литературе.

— В. Ковалев, — говорит Л. Скорино, — отмечает, что Леонов широко применил прием сказа — «житийного», диалектно-крестьянского и т. д. Но зарегистрировать прием еще недостаточно для исследователя. Важно установить, **зачем** прибегает к этому приему писатель, чего он добивается, какую идею воплощает.

В некоторых статьях дает себя знать своего рода недоверие даже к метафорам, эпитетам и другим средствам образного выражения. В. Ковалев, например, с удовлетворением отмечает, что Леонов стал сдержаннее в применении метафор. Но ведь дело не в количестве, а в идейно-художественной природе метафоры!

Как отметил В. Перцов, серьезный недостаток статьи В. Тимофеевой состоит в том, что она не раскрывает художественного своеобразия поэзии Маяковского. Способ обращения зрелого Маяковского со словом и общепонятен и в то же время глубоко своеобразен.

В. Друзин считает, что в статье о поэтическом языке Маяковского смешиваются понятия языка и стиля. Автор статьи пишет, например, что Маяковский вводит в стих политическую терминологию. Но ведь не один Маяковский делал это. Надо говорить о том, **как** именно у Маяковского эти политические понятия представлены в его художественной системе.

О непонятной настороженности В. Тимофеевой по отношению к словотворчеству великого поэта говорил З. Паперный. Автор статьи все время стремится доказать, что неологизмов у Маяковского не так уж много и что этими неологизмами мы не пользуемся в обиходной речи. Но когда, например, поэт употреблял слова: «**молоткастый, серпастый** паспорт», «в тугой полицейской **слоновости**», «усастый **нянь**», — он и не думал «вводить» их в язык, но добивался определенного эмоционального эффекта именно в данном идейно-художественном контексте.

— Долгое время, — сказал А. Тарасенков, — наши литературоведы работали в отрыве от проблемы формы, писательского мастерства. Этот отрыв еще болезненно сказывается. В. Тимофеева упрекает Маяковского в попытке преувеличить роль искусства в общественной жизни. Но какая основа для этого упрека?

Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.

Поэт создал гиперболический образ. Неужели же автор статьи полагает, что Маяковский считал Красную Армию неспособной сдвинуться без военного оркестра!

Серьезной критике подверглась на обсуждении статья П. Выходцева о композиции поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин». Автор попытался доказать, что образ Тёркина не играет особой роли в поэме.

— П. Выходцев, — отметила Т. Трифонова, — все время противопоставляет образ Тёркина народу. Он забывает о том, что величайшие идеи могут быть выражены через индивидуальный образ, что необязательно изображать рост масс путем непосредственного показа тысяч человек. Василий Тёркин — олицетворение образа народа.

Неверная точка зрения П. Выходцева перекликается с концепцией А. Бушмина, у которого дает себя знать упрощенное истолкование взаимоотношений личности и массы.

Недостаточно глубокое изучение вопросов мастерства, поэтики, образной структуры, языка и стиля в ряде статей вышедших сборников свидетельствует о неразработанности этих вопросов в нашей науке. И правильно поступили участники обсуждения, сосредоточив главное внимание на тех проблемах, которые еще мало освещены, но без решения которых нельзя успешно двигаться вперед.

Лицом к современности

Писатель Кочетов обратился к литературоведам с призывом ответить на живые вопросы, волнующие сегодня писателя и читателя.

— Беда многих литературоведческих работ, — сказал он, — в том, что они рассчитаны не на широкого читателя, а только на литературоведов, что они слабо вторгаются в наш сегодняшний день, мало помогают формированию литературы.

Выступающий говорит далее о ханжеских критических рецензиях, которые еще не перевелись у нас и которые только портят читательские вкусы.

Иные критики берутся выражать мнение двухсот миллионов читателей. Но выразить мнение народа, его оценку литературы, отдельных произведений может только тот, кто хорошо знает жизнь, смотрит на литературу глазами жизни.

— Наша наука о литературе — это наука нового типа, — сказал В. Саянов. — Литературовед имеет дело с живой плотью и кровью советской литературы. Критики еще мало изучают реальные запросы и требования читателя. А без этого нельзя верно оценивать литературу.

О связи литературоведения с жизнью говорил и Л. Плоткин:

— Вспомним, как писал Белинский. Он умел так подходить к событиям многолетней давности, чтобы одновременно решать большие вопросы литературной современности.

На обсуждении отмечалось, что авторы статей, опубликованных в сборниках, принимают очень слабое участие в литературно-критической работе. Непонятно, как может А. Бушмин, знающий хорошо творчество Фадеева, не откликаться на такие события, как, например, вторая редакция «Молодой гвардии»? Как может специалист, изучающий поэзию А. Твардовского, не загореться желанием написать о новой, острой, вызывающей интересные споры работе поэта — «За далью даль»? Правильный вывод из передовой «Правды» о преодолении отставания литературоведения будет состоять в том, чтобы ученые, исследователи, преподаватели литературы включились в работу печати, периодики, во всю нашу сегодняшнюю творческую жизнь. Институт русской литературы может и должен объединить критиков, занимающихся современной литературой, должен помочь им освободиться от эмпирических наблюдений, от легковесного, ненаучного подхода к произведению.

Начав выпуск сборников «Вопросы советской литературы», институт сделал полезное, нужное дело. Необходимо расширить круг тем. Следует смелее привлекать новых авторов. Вряд ли правильно такое положение, когда в двух томах некоторые товарищи публикуют по четыре статьи. Это свидетельствует об узости авторского актива.

Серьезную тревогу вызывают темпы научных изданий. Достаточно сказать, что работы, которые сейчас обсуждаются, писались около трех лет тому назад. К сожалению, такое медленное движение от рукописи к книге стало традицией издательства Академии наук СССР.

Проведенное обсуждение показало, насколько плодотворным для науки является метод творческого, свободного обмена мнений, товарищеской дискуссии. В ходе обсуждения были объективно раскрыты сильные и слабые стороны сборников, высказывались конкретные пожелания о характере последующих томов.

Авторы сборников А. Бушмин, В. Ковалев, В. Тимофеева, насколько можно судить по их выступлениям, недостаточно серьезно и вдумчиво отнеслись к критике, пытаясь защищать слабые стороны своих статей.

В прениях приняли участие также В. Бакинский, Г. Владимиров, В. Десницкий, Р. Мессер, С. Петров, Б. Платонов, И. Эвентов.

Подводя итоги обсуждения, В. Озеров отметил, что выпуск сборников проблемных статей, научных сообщений и библиографических работ по советской литературе нуждается в самой решительной поддержке. Деловая товарищеская критика и высокая требовательность являются лучшей формой такой поддержки.

знакомился с приемщицей золота Леной Смыковой. Один из разговоров с девушкой натолкнул Иванова на мысль о возможности коренного улучшения работы старателей в траншеях, откуда берут золотоносный песок. К борьбе вокруг новаторского предложения Иванова и сводится сюжет начальных глав книги. Тут выявляются взаимоотношения и характеры работников прииска— инженера Попова, парторга Авдеева, самого Иванова, Лены, врача Карцевой и других действующих лиц повести.

Затем автор как будто охладевает к начатой им производственной теме и намечает новую. Иванов убедился, что никакой усовершенствованный метод разработки траншей не спасет прииска, если не будет найдено новое богатое месторождение золота. Иванов уходит в дальнюю разведку, в тайгу, взяв в спутники лишь своего «крестного», старого старателя-единоличника, хорошо знающего местность, Степана Бандуру. Человеческие судьбы и события, составляющие содержание первой половины книги, уступают место блужданиям и приключениям старателей в тайге.

Однако скоро и эта сюжетная линия, связанная с поисками «большого золота», оказывается оставленной. На первое место автор выдвигает теперь борьбу, которая неожиданно разгорелась в душе Бандуры, едва «большое золото» было найдено. Старый бродяга оказался не только и не просто закоренелым единоличником, всю жизнь мечтавшим о «фарте», но и прямым преступником. Обманным образом он принуждает Иванова остаться в тайге без припасов и оружия, обрекая его на верную гибель, а сам спешит с украденным золотом к государственной границе, чтобы на чужой земле зажить богатой жизнью «золотишника», нашедшего клад.

В последнюю минуту, правда, Бандура раскаивается и возвращается на прииск. Иванова успевают спасти.

История, подобная той, что случилась с Бандурой, как о том рассказано во второй половине повести, в жизни могла произойти. Но читатель не может согласиться с тем, что такая история произошла именно с тем Бандурой, с которым он познакомился в повести. Бандура был единоличником и бродягой, но он не был преступником. Это был честный человек с чертами большого душевного благородства. Он спас Иванова, когда тот в детстве остался сиротой. Он пожертвовал в дни войны лично им намытое золото на постройку танков. Он, несомненно, был привязан к Степану Иванову большой, скрытной стариковской привязанностью. Как же можно поверить, что он оказался способен обречь Иванова на смерть, оказался способен на бегство в гоминдановский Китай, иными словами, — на измену родине. Для того, чтобы читатель поверил в художественную достоверность того, что случилось с Бандурой, писатель должен был нарисовать образ Бандуры по-иному, чем это сделано в книге.

Неправомерно выпятив на одно из главных мест в сюжете историю преступления и раскаяния Бандуры, автор снизил ценность всего произведения. Наличие начатых и незавершенных сюжетных линий, обилие набросанных и неразвитых образов говорит о том, что повесть В. Мелентьева является далеко еще не законченным произведением и издательство поторопилось опубликовать эту книгу вместо того, чтобы помочь автору доработать ее.

Петр СКОСЫРЕВ

ОДУШЕВЛЕННЫЙ ЛЕС И НЕЖИВЫЕ ГЕРОИ

Первые страницы книги **Н. Толмачевой «Хозяйка леса»** (Свердловск. 1952. 243 стр.) вызывают желание вступить вместе с героиней повести Наташей Загорцевой в прохладу могучего уральского леса, любоваться задумчивыми и строгими вековыми соснами. Восхищенным взором оглядывает Наташа, выпускник Ленинградской лесотехнической академии, необъятное зеленое богатство, с материнской нежностью склоняется она над маленькой сосенкой, ласково напутствуя ее: «Счастливо зимовать!».

По первым страницам, по едва намеченным контурам угадываешь будущий портрет девушки, увлеченной своим делом, со склонностью к романтике, с поэтическим видением природы. Увы, догадки эти не оправдываются.

Видимо, решив, что лирика, живые человеческие чувства противопоказаны лесничему, даже если этот лесничий—девушка, автор обрывает поэтическое вступление и переходит к деловому, строгому языку циркуляров по лесоводству. Читатель узнает, что «кедр имеет отличную строительную древесину, из его живицы, помимо скипидара и канифоли... получено новое лечебное средство — кедровый «терпентин-бальзам», что «кедровые леса горнохребтовой части Урала регулируют таяние снега и сток дождевых вод». Но читатель почти лишен возможности проникнуть в духовный мир героини, познать характеры окружающих ее людей.

Робко намекнув, что Наташа нравится другу ее детства горному инженеру Дымову, а он полюбился ей, автор подчиняет развитие этой любовной линии «первоочередным задачам лесоводства». Влюбленные говорят о лесе, о сборе шишек, но только не о любви.

Вот они сталкиваются не в официальной обстановке, а в лесу, погожим зимним днем. Может быть, теперь их чувства вырвутся наружу, и они заговорят не о пользе лесопитомника? Но Наташа снова спрашивает: «И когда вы все-таки будете сдавать шишки?».

Эта история с шишками приводит влюбленных в кабинет секретаря райкома партии, где Дымов полностью осознает свою отсталость и торжественно клянется, что лесорубы рудника сдадут семена.

Благополучное решение этого конфликта автор завершает свадьбой Наташи и Дымова. Для читателя остается тайной, как пришли молодые люди к такому важному в их жизни событию, как зарождалась и крепла их любовь.

Обедненно, примитивно показан внутренний мир и других героев повести — Алексея и Клавы.

Авторское кредо с наибольшей откровенностью выражено в письме Наташи своей студенческой подруге: «Ты спрашиваешь о моих «сугубо» личных делах? А у меня таких, Люсенька, нет. Впрочем, моя «кедровая мечта» и есть мое «очень личное» дело...»

Не веришь этой сентенции! Фальшиво звучит и монолог Наташи наедине с собой: «Нет, плакать она не будет. Жизнь, время, в какое живет Наташа, не должны знать слез».

Да что же греховного, хочется спросить автора повести, в том, что девушка всплакнет в минуту грусти, затоскует о любимом, потянется к «сугубо личному»?

Одушевляя лес, автор лишил своих героев живых чувств, не увидел за деревьями человека, а подлинные конфликты, борьбу подменил упрощенными схемами и гладкописью.

Стоило только Наташе прочитать популярную лекцию о значении леса, как упорство лесников, настроенных против лесопитомника, оказывается мгновенно сломленным. Молниеносно перерождается нечистый на руку лесник Пастухов, как только его уволили с работы. Так же легко преодолевает Наташа и другие трудности.

По повести Н. Толмачевой легко угадывается первоначальное намерение автора написать книгу о лесных богатствах Урала, о значении лесов в нашем народном хозяйстве. Что же, намерение похвальное. Но в таком случае не следовало добавлять в виде привеска к задуманной теме образы людей, мотивы любви. Впрочем, и задачи советского лесоводства описаны в книге без знания дела. Любой специалист лесного хозяйства усомнится в знаниях Наташи, услышав ее намерение засадить уральской елью степи Поволжья, а сибирским кедром южные степи.

В. ЕЛИСЕЕВА

ГОВОРЯТ НЕМЦЫ, ВЕРНУВШИЕСЯ ИЗ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ В ГДР

КАК ИЗ НАС ХОТЕЛИ СДЕЛАТЬ ШТРЕЙКБРЕХЕРОВ И ДИВЕРСАНТОВ

Гроши вместо заработной платы, бараки вместо квартир, бесправие, насилия, издевательства... Об этом рассказывают вернувшиеся из западных зон в Германскую Демократическую Республику граждане, которые в недавнем прошлом, поддавшись на провокационную пропаганду иностранных и боннских агентов, покинули родную землю. Все, что они испытали на Западе, не было случайными проявлениями безразличия к их судьбе.

Это были детали дьявольского плана, при помощи которого людей, поколебавшихся и совершивших необдуманный шаг, хотели вынудить стать штрейкбрехерами, предателями родины, шпионами, диверсантами или — на худой конец — превратить в резерв для иностранных легионов и восстанавливаемого фашистского вермахта.

Вот что рассказывают об этом на страницах немецких демократических газет «Нейес Дейчланд», «Берлинер цейтунг» и австрийской демократической газеты «Эстеррейхише фольксштимме» люди, которые вернулись в Германскую Демократическую Республику.

Герберт Фут в течение двух лет находился в Западном Берлине. Из-за случайных недоразумений на предприятии, где он работал, и семейных ссор решился он покинуть свою родину — Мекленбург. «В Мекленбурге я хорошо зарабатывал, — рассказывает он. — А в Западном Берлине мне пришлось жить только на случайные заработки. Сослуживец по армии, который стал теперь западноберлинским предпринимателем, использовал мое бедственное положение. Я делал для него всю черную работу и должен был быть благодарен даже тогда, когда получал меньше чем половину обычной ставки за свой труд. Нетрудно догадаться, какими глазами смотрели на меня рабочие на этом предприятии! Я не только отнимал у них работу, но и выполнял ее по нищенским расценкам».

Герхард Гедлих, шофер из Дрездена, рассказывает: «Когда мне удавалось в Западной Германии получить работу, мне всегда платили ниже существующих ставок. Часто приходилось предлагать свои услуги за гроши, чтобы хоть несколько дней перебиться. Я просил пособия повсюду — в «Красном кресте», в органах социального обеспечения, но никто не хотел мне помочь. Я слонялся по дорогам и распродавал свои вещи».

Курту Дамасу пришлось работать на шахтах в Западной Германии. Он рассказывает: «Когда попадешь на Запад, то узнаешь, что такое нужда. Здесь надо быть готовым ко всем превратностям судьбы. Первое время мне пришлось работать батраком у кулака за гроши и тарелку похлебки... После того, как я отработал три месяца таким образом, мне представился выбор: итти на службу в полицию или на шахту. Я, конечно, выбрал шахту. Мы получали нищенскую плату и сбивали этим расценки западногерманским горнякам. «Что вам здесь, собственно, нужно?», — справедливо спрашивали нас рабочие. Что мы могли им на это ответить? Жить мне пришлось в так называемом общежитии для холостяков. Здесь были размещены такие же пришельцы из Восточной Германии, как я. Жили мы в невообразимой скученности и тесноте».

Дамас решил вернуться на родину.

Таким, как Гедлих и Дамас, западногерманские власти готовили участь штрейкбрехеров. Генеральный директор западногерманского горного департамента доктор Кост выступил с предложением создать в Рурской области специальные лагери для беженцев из ГДР с тем, чтобы в случае забастовок использовать их в качестве штейкбрехеров.

«Через Бранденбургские ворота и границу секторов ежедневно прибывают люди, ставшие умнее».

Снимок и подпись из немецкого журнала «Нейе берлинер иллюстрирте»

О другой перспективе, которая открывалась перед беженцами, поведал вернувшийся из Западной Германии молодой моряк Зигфрид Риккер: «...Я нищенствовал. На меня натравливали собак... Наконец, я оказался в лагере для будущих солдат иностранного легиона в Ландау. Отсюда завербованным одна дорога — на транспорт и в Марсель. Но я не хотел этого. Я убежал из лагеря. Юноши, с которыми я познакомился в этом лагере, пережили почти то же самое, что и я. На дорогах Западной Германии их так обрабатывают, что им становится безразличным будущее».

Беженцы, возвращающиеся в ГДР, рассказывают о способах обработки, которой подвергают молодежь западногерманская штуммовская полиция и американская разведка, чтобы вынудить обманутых и голодных людей вступить в ряды иностранного легиона или стать шпионами и диверсантами.

Петеру Штошу удалось сбежать с западноберлинского аэродрома Темпельгоф за несколько минут до его отправки в Канаду. Вернувшись на территорию ГДР, он рассказал о том, что пережил после того, как, поверив посулам западных радиостанций, покинул родные края: «Штуммовская полиция поместила меня в лагерь. Условия размещения подействовали на меня, как удар: вместе со многими другими юношами я лежал на мокрой гнилой соломе. Жесткое от грязи одеяло было единственной постельной принадлежностью». Три марки в день были обещаны молодым беженцам. Но они не получали ничего. Двери в бараки были постоянно на запоре. Открывать их могли только так называемые «воспитатели» из штуммовской полиции. У Штоша отобрали его удостоверение личности гражданина ГДР, бумажник, ценности. Он подписал документ, в котором обязывался никогда ни устно, ни письменно не вступать в общение со своими родителями или другими родственниками в Германской Демократической Республике и сохранять в тайне все, что с ним произойдет в лагере.

Затем юноша был доставлен в американский штаб. Американский офицер стал расписывать ему в радужных красках его будущность в Канаде.

«...Я подписал предложенное мне обязательство, — рассказывает Штош, — и уже на следующий день стоял на аэродроме Темпельгоф перед американским транспортным самолетом». Только в этот момент понял юноша всю глубину совершенной им ошибки. К счастью, ему удалось бежать с аэродрома и вернуться в ГДР.

А Эриха Кюнемана из Засница после его перехода на территорию Западного Берлина доставили в один из многочисленных расположенных здесь шпионских центров. Его подвергли допросу, во время которого добивались от него получения сведений о подразделениях народной полиции.

На территорию ГДР возвращаются сейчас не только те, кто некогда ее покинул. Зональную границу переходит немало западногерманских граждан.

Адальберту Митману 46 лет. Это значит, что он «слишком стар», чтобы получить работу в боннском государстве, где даже молодежь не находит себе применения. В течение долгих месяцев пытался он найти работу. Наконец, ему «посчастливилось»! Среди 120 кандидатов он оказался тем, на которого пал выбор фирмы, искавшей комиссионеров по продаже плащей. С чемоданом, наполненным дождевыми плащами, он бегал по лестницам. Не без юмора вспоминает Митман об этой работе: «Какой дурак станет покупать дождевой плащ на лестнице? И у кого в Западной Германии лежит в кухонном столе столько денег, чтобы купить плащ, да к тому же именно у меня?» Ну, а когда Митман выступил в защиту мира, он потерял не только эту жалкую работу, но и всякую перспективу на получение другой.

«Я сыта западом по горло», — рассказывает жена рабочего Шоршинская, которая обратилась за разрешением переселиться в ГДР после того, как в боннском «раю» арестовали ее мужа. «Если бы я осталась там, — говорит она, — мой ребенок уже лежал бы на кладбище. С 10 декабря 1952 года по 14 марта 1953 года мы не получали пособия...» Ни работы, ни пособия по безработице! И все потому, что муж Шоршинской — горняк по профессии — стоял за мир и единство Германии.

Но что заставило покинуть Западную Германию Петера фон Штоля, бывшего летчика нацистских военно-воздушных сил, награжденного «Орденом рыцарского креста»? Вот его история. Фон Штоль получил приглашение от «Общества немецких кавалеров «Ордена рыцарского креста» принять участие в слете-конференции реваншистов, о которой в свое время подробно писала немецкая демократическая печать.

Закончив в послевоенные годы горную школу и работая штейгером на шахте, Штоль не имел никакого желания сближаться с этой организацией. Это не помешало американскому штабу вызвать его вместе с другими офицерами, награжденными в прошлом нацистскими орденами, в Гейдельберг и предложить ему чин капитана в армии западногерманских ландскнехтов. «Я хочу работать в горном деле», — ответил Штоль и отказался от этого предложения. Тогда американцы прибегли к угрозам: «Перед вами две возможности: вступить в европейскую армию или стать бродягами на большой дороге», — говорили бывшим офицерам, вызванным в Гейдельберг. Петер Штоль выбрал третий путь — он перешел в ГДР.

Враги мира, противники объединения Германии не останавливаются ни перед чем, чтобы натравить немцев на их братьев из Германской Демократической Республики. Людям, поверившим их пропагандистским посулам, они готовят участь штрейкбрехеров, шпионов и диверсантов — иностранных наймитов. Ложью и хитростью, силой и фашистскими провокациями хотят они преградить путь к миру и единству Германии.

В ГОРАХ АЛБАНИИ

Широко развернулись работы на крупнейшей в Албании гидроэлектростанции мощностью 20 тыс. киловатт на реке Мати. Здесь трудятся 3.500 молодых добровольцев — стройка является молодежной. К концу 1955 года, когда станция вступит в строй, она будет соединена линией высокого напряжения со столицей Албании — Тираной.

Лучи заходящего солнца бьют прямо в лицо. Они освещают живописную группу крестьян, остановившуюся на дороге из Кокерлоке. Люди смотрят на долину Улзы, что раскинулась между Перлатом и Бурелом, изредка перебрасываясь фразами. Вот здесь, среди диких гор, меж холмов, скрытых густыми лесами, будет озеро, огромное искусственное озеро.

Совсем недавно, весной минувшего года, на берегах бурной Мати было пустынно. Среди суровых скал Шкопети обитали орлы да рыскали волки, сюда почти не ступала нога человека. А сейчас! Как быстро меняется наша земля! Той же весной 1952 года пришли сюда первые геологи, топографы, инженеры. Народ, Трудовая партия сказали им: здесь быть гидроэлектростанции.

Шум строительства, эхо взрывов и веселые песни молодых строителей разбудили тишину диких, безлюдных мест. Тысячи добровольцев — юношей и девушек из горных селений Северной Албании, из благодатных долин юга возводят самую крупную стройку албанской пятилетки — гидроэлектростанцию мощностью в 20 тыс. киловатт.

Побывайте вечером, после окончания работы, в клубе строителей. Вы познакомитесь с народными плясками девушек из глухих горных селений Тропойи, услышите песни их подруг и юношей из Корчи и Саранды, Аргирокастры и Пешкопии.

Старики из горных селений, провожая добровольцев в долину Мати, дали им наказ: «Работайте честно, не осрамите нашего села».

Для того, чтобы начать сооружение гидроэлектростанции, надо было соединить строительную площадку со всей страной. Горячо взялась молодежь за прокладку дороги Милот—Улза, которую она назвала «Дорогой света». С опасностью для жизни, на высоте 130 метров над рекой, пробивались строители вперед. Отважные патриоты, обвязавшись веревками, прикрепленными к деревьям и скалам, бурили отверстия для закладки динамита. Сейчас по этой дороге идут грузовики с советскими машинами, механизмами, оборудованием для дизельной электростанции, которая даст энергию стройке.

«Гидростанция на реке Мати будет великой школой, — говорил товарищ Энвер Ходжа. — Вчерашний пастух станет шахтером, рабочий — инженером».

Вот Мухарем Бегиани. Он был неграмотным пастухом. Салим Вата, известный всей стране туннелепроходчик, вручил ему свой бурильный молоток, научил побеждать камень. Теперь 19-летний Мухарем — стахановец, помощник бригадира прославленной «Бригады орлов». Вот молодые добровольцы, крестьяне из Перлата. Они работают всего два месяца, но уже справляются с самыми сложными заданиями по укладке бетона. Юноши и девушки учатся различным профессиям в школах, у старых мастеров.

Сейчас в ущелье Мати наступила горячая пора: строители приступают к сооружению самой плотины. Высотою в 60 метров и длиною в 200 метров, она остановит быстрые воды Мати, создаст водохранилище площадью в 20 квадратных километров.

Энергия Мати загорится ярким светом в городах и селах, приведет в движение станки на новых фабриках и заводах, улучшит нашу жизнь и жизнь наших детей.

«Албанский народ веками ждал этого света, — говорит прославленный шахтер, стахановец Гьон Ника. — Но только теперь мы увидим его, потому что мы работаем на свою родину, на себя».

КОЛЬ ЯКОВА,
албанский писатель

ТИРАНА

НЕВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ

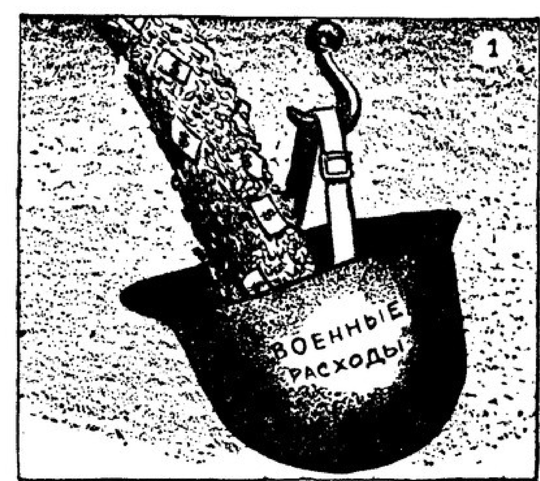

Рисунок из американской газеты «Сан-Луи глоб-демократ»

Рисунок из американской газеты «Синсиннати инкуайрер»

«Чаша, которую невозможно наполнить», — так называется этот рисунок, взятый нами из американской газеты «Сан-Луи глоб-демократ» (№ 1). Широкой струей низвергаются в бездонную пропасть военных расходов бесчисленные доллары, выкачиваемые из населения под видом всевозможных налогов, сборов и обложений, общая сумма которых беспрецедентна в истории Соединенных Штатов.

Ширится струя — растут налоги, снижается жизненный уровень... Простые американцы, страдающие от последствий гонки вооружений, осаждаемые мучительными заботами о завтрашнем дне, только и мечтают об уменьшении этого невыносимого налогового бремени.

Но не тут-то было! Мощным ударом, со всего размаху, «Бюджет» нокаутирует «Снижение налогов» — рисунок из американской газеты «Синсиннати инкуайрер» (№ 2). Шансы партнеров, как мы видим, далеко не равноценны, и исход встречи можно с уверенностью предсказать заранее.

Рисунок из американской газеты «Вашингтон пост»

О том, что произошло дальше, рассказывает третий рисунок, который мы заимствуем из американской газеты «Вашингтон пост» (№ 3). «Возможность снижения налогов» изображена здесь в виде человека, избитого до полусмерти, с переломанными конечностями, с головы до ног покрытого повязками. «Говорят, что в будущем году ты уже сможешь подняться», — фальшивым голосом утешает больного посетитель, видимо, правительственный чиновник. Но ни утешающий, ни утешаемый не верят в эту возможность...

Все американские дети знают наизусть стихотворение про Мэри и ее ягненка. Начинается оно так:

«У Мэри был ягненок
С белоснежной шерстью.
И куда бы ни пошла Мэри,
Ягненок следовал за ней».

Рисунок из американской газеты «Нью-Йорк таймс»

Этот рисунок, взятый нами из американской газеты «Нью-Йорк таймс» (№ 4), так и называется: «...И куда бы ни пошла Мэри...» «Мэри» здесь изображена в виде набитого деньгами мешка, на котором написано: «Необходимые расходы на оборону». А «ягненок», столь резво скачущий за ней по пятам, «смонтирован» из английских букв, составляющих слово «Taxes» — «Налоги». На лбу у ягненка — слово «High» — «Высокие».

Мы не будем говорить о том, кому именно «необходимы» военные расходы. Нашим читателям известно также, какое содержание вкладывается за океаном в понятие «обороны». Высокие налоги, неотступно следующие за гонкой вооружений, — вот смысл воспроизводимого нами рисунка.

Куда же идет «Мэри»? Художник, к сожалению, не решился ответить на этот вопрос. Мы ему подскажем: гонка вооружений приводит к обнищанию широких трудящихся масс.

ОБЗОР НЕМЕЦКОЙ ПЕЧАТИ

БЕРЛИН СЕГОДНЯ

М. КАРПОВИЧ

Эхо событий 17 июня продолжает перекатываться над Германией. Фашистские провокаторы разгромлены. Многие из этих молодчиков выловлены с помощью населения и понесут заслуженную кару. Иным удалось бежать в свою западноберлинскую берлогу или затаиться, уйти в подполье. Но преступные деяния, совершенные провокаторами, не могут, естественно, исчезнуть из памяти миллионов честных, верных своему долгу людей. Естественно, что честные граждане республики сейчас подводят итоги недавних событий, вытаскивают на справедливый суд все, что так или иначе связано с провалившейся провокацией иностранных наймитов.

Немецкая демократическая печать — зеркало этого большого и важного процесса. Берлинские газеты попрежнему помещают много материалов, связанных с событиями 17 июня и, главное, с тем отпором, который вызвала вылазка фашистских авантюристов в широких кругах немецкого народа.

Ведущие, наиболее массовые газеты, такие, как «Нейес Дейчланд» и «Юнге вельт», поместили полный текст передовой статьи «Правды» от 23 июня — «Крах авантюры иностранных наймитов в Берлине». Все газеты уделяют много места многолюдным собраниям, состоявшимся в эти дни на ряде крупных берлинских заводов и фабрик. На этих собраниях выступили руководители Социалистической единой партии Германии и правительства ГДР, которые рассказали о новых мероприятиях, направленных на дальнейшее улучшение жизненных условий населения.

Отчет о встрече премьер-министра Отто Гротеволя с коллективом трансформаторного завода имени Карла Либкнехта «Берлинер цейтунг» помещает под заголовком «Откровенные вопросы — откровенные ответы». Да, именно откровенный характер носили эти встречи руководителей СЕПГ и республики с народом. Весьма показательны в этом смысле выступления многих рабочих, приведенные на страницах «Нейес Дейчланд».

Вот что сказал, например, на собрании завода «Сименс Плания», где выступал кандидат в члены политбюро ЦК СЕПГ Р. Гернштадт, рабочий Вельцель:

«Я один из тех, кто принимал активное участие в демонстрации. Я был уверен в том, что защищаю таким образом справедливые требования рабочих. Но на Унтер ден Линден я остолбенел, когда увидел подожженные киоски. В тот же час я сам сказал себе: «Прочь от бандитов как можно скорее. Мы находимся на неправильном пути!» Что же касается нового курса партии и правительства, то я думаю, нам беспокоиться нечего. Раз партия и правительство защищают наши интересы, мы поможем им!»

Ротер, рабочий того же завода, говорит:

«В чем же состоит, на мой взгляд, наша задача на будущее? Ошибки Социалистической единой партии Германии должны послужить ей уроком. Мы же, рабочие, должны научиться открыто и ясно выражать наше мнение и, прежде всего, не быть ротозеями, смотреть в оба и не позволять провокаторам проникнуть на наши предприятия».

Открыто критикуя прошлые ошибки правительства, все честные граждане ГДР решительно поддерживают его новый курс и гневно осуждают иностранных наймитов. Общее настроение, хорошо ощутимое в республике и Берлине, таково: поскорее устранить ущерб, причиненный фашистской авантюрой, до конца очиститься от всякой скверны.

С каждым днем открываются все новые и новые детали закулисной подготовки пресловутого «дня икс». Демократическая печать помещает ряд важных сообщений, разоблачающих прямое участие представителей американских органов и главарей боннской клики в организации беспорядков в Берлине и некоторых других районах республики.

В сообщении агентства АДН приводится заявление боннского статс-секретаря Ленца. Выступая 21 июня в Трире на сборище фашиствующих элементов, устроенном в связи с провалом берлинской авантюры, этот приспешник Аденауэра откровенно объявил, что боннское правительство стоит только за такое «воссоединение» Германии, которое достижимо лишь путем войны. Ленц подчеркнул: пока Аденауэр держит бразды правления, он будет проводить эту политику, решительно отклоняя всякие другие попытки воссоединения Германии.

Не в бровь, а в глаз организаторам провалившегося мятежа бьет напечатанная в берлинских газетах заметка о показаниях задержанного народной полицией ГДР одного из иностранных агентов. Этот агент в ходе следствия сообщил, что в ночь на 17 июня он совместно с четырьмя другими агентами был доставлен американским самолетом в район города Зангерхаузен, лежащего в 45 километрах западнее города Галле, где и приземлился на парашюте. Агенты имели при себе оружие и радиоустановку. Народной полиции удалось с помощью населения арестовать еще двух парашютистов. Арестованные признались в том, что они имели задание подстрекать население к путчу и лично принимать в нем активное участие, за что им было обещано значительное вознаграждение.

Газета «Юнге вельт» откликнулась в сегодняшнем номере на тему этих сообщений выразительной карикатурой. На одной ее стороне изображен «некий иностранец» в военной форме, с грустью взирающий на пачки долларов, разложенных на его столе. Справа нарисованы два громилы, попавшие за тюремную решетку, — те самые, кому за их кровавые труды эти доллары предназначались... Ироническая подпись под карикатурой гласит: «Они демонстрировали из чисто идеалистических побуждений. Это видно хотя бы по тому, что они так и не пришли получить свои деньги».

Разоблачительный материал печатает сегодня и крестьянская газета «Бауэрн эхо». Много фактов сообщается на странице под общей шапкой: «Орудия провокации и их инспираторы». Редакция помещает два документальных фотоснимка. На одном изображен момент поджога крупного здания на Потсдамерплац в демократическом секторе Берлина 17 июня; второй — пожар рейхстага в 1933 году. Такое соседство весьма символично. Оно подчеркивает, что теперь, как и двадцать лет назад, подобные провокации и преступления совершаются одними и теми же темными силами.

Немецкий народ, однако, не намерен позволить врагам мира втянуть себя в новую чудовищную катастрофу. Демократическая печать убедительно рассказывает о том, как верные сыны и дочери Германской Демократической Республики ответили на авантюру иностранных наймитов. «Нейес Дейчланд» и другие газеты помещают репортажи о мужественном поведении многих рабочих и служащих во время беспорядков.

«Нейес Дейчланд» поместила сегодня подвал о пяти юношах и девушках с берлинского народного предприятия «Анлагенбау», которые 17 июня, не сговариваясь между собой, пришли в заводской комитет СЕПГ и попросили принять их в ряды партии. Двадцатичетырехлетний электромонтер Дитрих Зуфа сказал при этом: «Провокации западноберлинских поджигателей войны показали, какими средствами они пытались подорвать наше мирное строительство. Сплоченнее, чем когда-либо, мы должны поддерживать нашу партию и наше правительство. По этой причине прошу принять меня в Социалистическую единую партию Германии».

Это далеко не единичный факт. В Берлин стекаются вести о новых высоких трудовых обязательствах, добровольно принимаемых рабочими и крестьянами, о досрочном выполнении коллективами ведущих шахт шестимесячного плана.

Важные решения правительства ГДР и ЦК СЕПГ вступили в действие. Об этом ежедневная газетная хроника говорит весомым языком фактов и цифр.

Фашистские провокаторы просчитались! С каждым днем растет и крепнет решимость немецкого народа отбить все атаки врагов мира, добиться единства родины и мирной жизни.

БЕРЛИН, 24 июня. (По телефону)

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б01282.